

Виктор Коллингвуд

Б
Л
А
Т
О
С
Л
О
В
Е
Н
Н
Ы
Й

Книга 3

Виктор Коллингвуд

Благословенный Книга 3

«Автор»

2026

Коллингвуд В.

Благословенный Книга 3 / В. Коллингвуд — «Автор», 2026

Теперь вы император, Александр Павлович. Хватит ребячиться, ступайте царствовать! Так... а где деньги? А почему крестьяне бунтуют? Им же волю дали! Землю хотят? Ну, вам не угодишь! Всё кувырком: Бонапарт буянит, Воронцов интригует, Нельсон встаёт на лыжи, Суворов скоморошничает... А ещё все эти заговоры!

© Коллингвуд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Коллингвуд

Благословенный Книга 3

Название: Благословенный. Книга 3

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/366298>

Глава 1

Хаос на площади между Зимним дворцом и Адмиралтейством постепенно рассеялся. Специально отряженная команда измайловцев с унтер-офицерами во главе при свете колеблющегося, рвущегося на ветру пламени факелов метались по площади, собирая раненых преображенцев. Тело своего командира, подполковника Арбенёва, солдаты возложили на ружейные стволы и перенесли в ближайший подъезд Зимнего дворца. Первый батальон преображенцев, только что расстрелянный картечью, рассеялся в сторону Английской улицы; второй батальон сложил оружие, третий в порядке отступил в сторону Невской перспективы.

Меня окружали измайловские и морские офицеры, все взволнованные и будто пьяные ветром великих событий, что во все времена ведёт доблестных мужчин за собою.

— Капитан, — обратился я к Бибикову, — утром первым же делом направьте фельдъегеря к графу Суворову с приказанием ускоренным маршем возвращаться с армией в Россию. Обоих Салтыковых немедленно арестовать; руководство Военной коллегией я временно возлагаю на себя. Пошлите за Самойловым* и Макаровым**, пусть явятся немедленно. От них нужно проведение детального расследования этого заговора. В поддержку им в Тайную экспедицию временно прикомандируем Антона Антоновича Скалона. Также необходимо....

— Ваше величество! — вдруг произнёс кто-то у меня за спиной. Я обернулся.

Это был Волховский, командир третьего батальона Измайловского полка. Выражение его лица в неверном свете факелов невозможно было разобрать, но я почувствовал, как страшно он взволнован.

— Ваше Величество! Государыня императрица 5 минут как скончалась!

— Вот как? — тупо произнес я. В вихре последних событий я и забыл, что Екатерина всё ещё оставалась жива! Не найдя, что по этому поводу сказать, я снял двуголку и перекрестился. Окружающие офицеры, а за ними и солдаты последовали моему примеру. Как часто бывает перед лицом смерти, всё вокруг насторожилось и как-то подобралось.

— Да здравствует государь Император Александр Павлович! — вдруг выкрикнул капитан Бибиков.

— Да не на...

— Уррааа! — завопили вокруг, да так рьяно, что мой слабый протест безнадежно потонул в этом оптимистично-верноподданническом шуме.

Итак, «король умер, да здравствует король», Плохо ещё осознавая, что произошло пять минут назад, я бросился в Юго-Западный ризалит, в покои императрицы.

У входа, среди растерянных вельмож и кавалергардов в до смешного помпезных мундирах мне встретила небольшая стайка придворных дам.

— Саша!

Наташа, бледная и заплаканная, вырвавшись из этой толпы, бросилась мне на шею. Теперь это было можно.

— Ничего-ничего, всё образуется, — пробормотал я, прижимая её к груди, с тоской наблюдая поверх её головы, как придворные при виде этой сцены сначала каменеют от ужаса, а затем старательно прячут глаза. — Ничего, всё будет хорошо!

— Я слышала выстрелы! Это были пушки, да? Боже, как я счастлива, что ты цел и невредим!

— Всё хорошо, верные войска уже подошли. Похоже, преображенцы и коннгвардейцы участвовали в заговоре, но мы пресекли его! — громко, не столько для Наташи, а скорее для оказавшихся в этот поздний час во дворец вельмож, произнёс я. Окружающие — обер-штал-мейстер Нарышкин, гофмаршал Барятинский, обер-казначей Жеребцов и другие, — вся эта

придворная камарилья буквально пожирала нас глазами, и, я знал, у каждого в голове в это время работал маленький арифмометр, просчитывающий дальнейшее развитие событий и .

— Разрешите представить — Наталья Александровна Романова, моя супруга! — произнёс я, с наслаждением изучая их изумлённые физиономии.

— Александр Павлович... Ваше Величество, вы имеете в виду, что... — растерянно начал Нарышкин.

— Нет, она законная моя супруга пред Богом и людьми, — быстро перебил я, поняв оскорбительный смысл не произнесённой ещё до конца фразы. — Дайте нам пройти!

Держась за руки, мы вошли во внутренние покои Екатерины. Её грузное тело лежало на софе, рядом находились доктор Роджерсон и камердинер Захар; камер-юнгфрау Мария Саввишна тихонько плакала в уголке большой залы.

Я опустился на одно колено, взял ещё тёплую и мягкую руку только почившей Императрицы, прижал её к своему лицу. Только что умерла целая эпоха... Теперь я остался один, — никто более меня не подстрахует и не поддержит, не даст денег на безумные тихоокеанские экспедиции, не поможет избежать ошибок, не прикроет от проблем, о которых я ранее и знать не знал! Мне вдруг стало холодно и страшно от осознания чудовищной тяжести власти и гигантской ответственности, упавшей на мои плечи. Многие годы я думал об этом моменте, готовился к нему, однако же, так и не стал в полной мере готов!

Но жизнь не собирается подстраиваться под наши эмоции, нужно вставать и идти в этот мир, сражаясь с невзгодами, пока хватает сил. Оглядев ещё раз эту, вдруг ставшую мне чужою комнату, будто бы умершую вместе с императрицей, я вышел, оставив Наташу утешать Марию Саввишну. Дела не ждали. К счастью, мне было на кого опереться: за последние годы я подобрал толковых людей и в службе Генерал-Инспектора, и в гвардии, и в Адмиралтействе.

— Капитан Волховский, возьмите плутонг солдат и пойдёте со мной. Надо расставить караулы и срочно разобрать бумаги.

Ночь прошла без сна. Измайловцы разбили бивуак прямо на площади перед дворцом, осветив её светом костров. С дворцовой кухни им носили воду, дрова и хлебное вино «для сугреву». Утром на площадь в полном составе подошёл и Семёновский полк, принявший присягу императору Александру Павловичу.

Конногвардейцы отказывались присягать мне до середины следующего дня — настолько их убедили, что следующим императором будет Павел. Однако, когда они узнали о присяге Измайловского и Семёновского полков, о моей женитьбе на Наташе Суворовой, а также назначении Александра Васильевича вице-президентом Военной коллегии, генерал-инспектором кавалерии и пехоты, солдаты и офицеры Конногвардейского полка приняли-таки присягу.

Разбираясь с делами, — выгребая из секретеров бумаги, допрашивая статс-секретарей, принимая первые доклады следственной комиссии — я постоянно ловил себя на совершенно чудовищном противоречии испытываемых чувств. Минуты возбуждения сменялись долгими часами уныния и даже ужаса. Конечно, я внутренне был готов к смерти Екатерины. Где-то в это самое время это всё и должно было случиться... но, однако же, для меня она оказалась сильнейшим эмоциональным потрясением.

— Ты готов, готов, как никто иной. Ты знаешь дела Империи глубже и вернее, чем какой-либо ещё наследник за всю историю России! — твердил я себе, но не находил в этих мантрах никакого успокоения. Днём многочисленные события и заботы отвлекали меня, но ночью просыпались глубоко затаённые страхи. А вдруг я не справлюсь; вдруг мои теории неверны; а ну как своими неловкими деяниями я испорчу, разрушу всё здание российской государственности, много лет воздвигавшееся усилиями сотен поколений? Я не задумывался доселе, как же, в сущности, хорошо находится на позиции второго лица, наследника, обладающего огромными возможностями, но не несущего притом никакой ответственности! Всегда есть кто-то, кто отве-

чает за результат в целом; а ты спокойненько занимаешься своим делом, и если всё получилось — ты молодец, а нет — так бабушка прикроет твой прокол своими могучими юбками, да и все дела! Да ещё и, как оказалось, я к ней эмоционально привязался — сложно не испытывать симпатий к персоне, каждый день на протяжении многих лет делающей тебе одно только добро... В общем, смерть императрицы я пережил тяжелее, чем предполагал.

Немало драгоценного времени пришлось потратить на устройство похорон. Две недели гроб с забальзамированным телом был выставлен в Овальном зале Таврического дворца, — том самом, где Потёмкин пять лет назад устраивал свой грандиозный праздник. Прощаться с нею приезжали и из Москвы, и из провинции, — казалось, этот поток никогда не иссякнет! Приезжали не только дворяне: допускались лица разного звания, даже из крепостных крестьян, и, хотя этому сословию усопшая не очень-то благоволила, её любили и сожалели о ней даже и в этой среде. Бывшие фрейлины и статс-дамы усопшей поочередно дежурили у тела, наблюдая за порядком при поминовении государыни посетителями.

Посреди упомянутой большой бальной залы Таврического дворца воздвигнут был катафалк, а над ним — сень в виде ротонды с приподнятым куполом. Императрица лежала в открытом гробу с золотой короной на голове. Императорская мантия покрывала ее до шеи; крышка от гроба императрицы лежала на столе параллельно катафалку. Вокруг горело шесть больших паникадил; у гроба священник читал Евангелие. За колоннами, на ступенях, стояли разряженные как петухи кавалергарды, печально опершиеся на свои карабины, глядя на многочисленных посетителей. В этом мире действительно было много людей, облагодетельствованных Екатериной: сюда приходили то лакеи, то горничные покойной императрицы, множество приезжих небогатых дворян, мещан и купцов. Они целовали ей руку, иной раз едва могли от нее оторваться... Зрелище было грустное, священное и внушительное: их крики, рыдания и обмороки прерывали по временам торжественное спокойствие, царившее в зале. Все приближенные к императрице боготворили её. Увы, этого нельзя было сказать о её собственном сыне.

Буквально на следующий день ко мне явился господин Ростопчин. Фёдор Васильевич был ещё молод — ему не исполнилось тридцати. В своё время он сделал выбор в пользу двора цесаревича Павла, а затем и последовал с ним в Гельсингфорс, где исполнял обязанности канцлера королевства Финляндия.

— Разрешите поздравить вас с восшествием на трон, — осторожно и вкрадчиво произнёс он. — Прежде всего, позвольте заверить вас, Ваше Величество, что ваш августейший отец не имеет никакого касательства к тому безумному происшествию, что случилось в день смерти императрицы! Король Павел всецело привержен законным формам передачи власти и не приемлет насильственных действий!

— Конечно-конечно, — любезно проговорил я, лихорадочно пытаюсь понять, куда он клонит. Впрочем, долго гадать не пришлось.

— Явившись сюда по воле короля Павла, я имею честь передать его просьбу присутствовать при похоронах почившей в Бозе императрицы! — оповестил меня граф.

Желание Павла присутствовать при похоронах нелюбимой матери меня удивило. Не выкинет ли он какого-нибудь кунштюка? Конечно, оппозиция в виде Салтыковых и Зубовых сейчас разгромлена, но, может быть, я чего-то не знаю?

Но ответил я нечто совсем иное.

— Конечно, пусть приезжают! Я подготовлю пристойное жилище. Это всё?

Ростопчин тут же раскланялся. Как только за ним захлопнулась дверь, я немедленно вызвал Скалона, своего «личного» контрразведчика, и надворного советника Макарова, руководившего Тайной экспедицией сената, в просторечии продолжавшей ещё называться «Тайной канцелярией».

— Господа! В ближайшее время Петербург посетит Павел Петрович с семейством. Необходимо установить самое внимательное наблюдение за его контактами.

— Александр Павлович, но это в чрезвычайной степени опасно! — возмутился Антон Антонович. — Этот визит может быть использован для...

— Я знаю. Поэтому и предупреждаю вас: надо установить самое тесное наблюдение, завербовать вокруг него решительно всех! Как говорят умные люди, друзей надо держать близко, а врагов — ещё ближе! И обратить внимание на все контакты! Особая надежда тут на вас, Александр Семёнович, — обратился я к Макарову, — ведь ваша агентура многочисленнее, чем у Антона Антоновича. Да, кстати, теперь вы будете главой специального ведомства, назовём его ...эээ... «Экспедиция общественной безопасности». Вы изъяты из ведения Сената и подчиняетесь теперь напрямую мне. Штат Экспедиции надо увеличить, кроме Петербурга, надобно будет открыть отделения в Москве, а затем и в других крупных городах***. И, учитывая величину и тяжесть возлагаемых на вас обязанностей, вы получаете чин статского советника!

— Счастлив служить Вашему Величеству! А где нам размещаться с новыми штатами, Ваше Величество? — спросил Макаров, несколько смущённый столь быстрым карьерным ростом.

— Ну, можно поместить вас в Петропавловской крепости. Алексеевский рavelин подойдёт? Если надо, сделаем необходимые пристройки. Теперь что касается вас, Антон Антонович: вам надлежит делать то же самое, но в сфере военного ведомства и на флоте. Теперь в каждом полку, в каждом порту и на каждой эскадре у вас будет свой человек, ведающий безопасностью — выявляющий шпионов, наблюдающий за сохранением секретности, изучающий настроения офицеров и нижних чинов.

— Таких надобно ещё найти и обучить! — резонно заметил Скалон.

— Да, но вы уже имеете некоторый опыт в деле выявления мятежников — так начинайте обучение. В течении недели представьте мне штатное расписание и смету расходов, и займёмся делом!

Наконец, восемнадцатого декабря были устроены похороны. В назначенный день поутру у Таврического дворца было столпотворение: приехали Павел Петрович с супругой и дочерьми, пришли и посланники чужестранных дворов, и множество народа самого разного рода и звания.

— Поздравляю, теперь вы можете царствовать! — такими саркастическими словами встретила меня маман, когда семейство старших Романовых нашло меня в обширном дворцовом парке.

— Спасибо, Ваше величество, — отвечал я. — А как протекает ваше правление? Привыкаете к Гельсингфорсу? Финляндия — удивительно живописная страна, вы не находите?

Мария Фёдоровна, не раз жаловавшаяся на унылые пейзажи Суоми, только поджала губы.

— А это, значит, жена твоя? — кивнула она на Наташу. — Женился без согласия родителей, неравным браком? Хоррош!

— Женился в согласии со своим сердцем и умом. А у вас как дела? Вы, наконец-то, достроили свой дворец? — продолжил я свои подколки. — А у нас, представляете, что за незадача — никак не можем выбрать, где нам с супругой проживать. Столько этих проклятых дворцов, что я уже всю голову изломал... Бабушка решительно ни в чём не знала меры!

— Не могу не согласиться — пробурчал на это Павел. Чувствовалось, что эта пикировка ему совершенно не нравится.

Организатором похорон по предложению Сената назначили князя Репнина, устроившего всё в «старом духе» — нравоучительно и помпезно. Похоронная процессия должна была про-

следовать от Таврического Дворца до Петропавловской крепости. Открывалась она строем пеших офицеров в чёрных епанчах и широкополых шляпах, несущих знамёна с гербами княжеств и областей Российской империи. За ними — строй трубачей и два конных адъютанта; далее — строй свеченосцев с чёрным траурным знаменем. Вослед им двигались литаврщик на коне, два «рыцаря», несущие атрибуты орденов Святого Андрея Первозванного и Святого Георгия, и строй кавалергардов, столь близких когда-то к императрице. За ними открывалось шествие духовенства с алыми хоругвями и церковный хор.

На золотых подушках несли ордена, царскую шапку, Большую императорскую корону, жезл и скипетр. Царские регалии сопровождал строй Конногвардейского полка.

За ними следовал генералитет верхом на фоне строя семёновцев и измайловцев.

Центром траурной процессии служила колесница с саркофагом под балдахин, на котором возлежал гроб императрицы. Шестёрка лошадей вороной масти, с чёрными попонами и плюмажами, влекли скорбный экипаж императрицы к месту её последнего упокоения.

Мы с Наташей шли рядом с гробом, она с одной, а я с другой стороны, старательно защищая от ветра пламя больших заупокойных свечей. Наташа шла в вуали и чёрной мантии, подбитой мехом горноста, я — в накинутой поверх измайловского мундира горностаевой мантии.

Сразу за гробом шёл король Павел I с маршальским жезлом и тростью в одной руке и свечой в другой, рядом шёл Константин с супругой со свечами в руках, следом — императрица Мария Фёдоровна, её дочери.

За ними шла свита фрейлин, обмотанных с ног до головы чёрной вуалью, со свечами в руках. Из этой группы то и дело раздавались причитания и всхлипы, крещендо прорывавшиеся через грохот окованных колёс по промёрзшей земле и стук копыт замыкавшего процессию лейб-гвардии Казачьего полка.

Когда мы добрались до Невы, спасти свечи от холодного ветра оказалось совсем непросто. Участники процессии то и дело возжигали их обратно, обращаясь к более сноровистым и заботливым соседям. С набережной процессия вступила на шаткий наплавной мост, едва не затонувший от такой тяжести.

Наконец, мы достигли крепости. Сюда, к дверям Петропавловского собора, пустили только катафалк и сопровождавших его высоких особ — иначе крепость была бы переполнена лошадьми и людьми.

Кавалергарды сняли гроб с катафалка и внесли его внутрь собора. Внутри, в освещаемой лишь немногочисленными свечами полутьме, императорский Роговой оркестр играл Реквием Моцарта. Так и не успел Потёмкин пригласить беднягу в Россию — подумал я. А надо было его призреть, может, прожил бы подольше! Надо привечать музыкантов: жизнь так коротка, чёрт возьми, а время жизни гения особенно скоротечно! Может, хоть о Бетховене позаботиться? У Гайдна вроде всё нормально, он музицирует в Лондоне... или вернулся уже в Вену?

Кавалергарды торжественно поместили гроб на специальную подставку. Я подошёл последний раз бросить взгляд в мёртвое лицо великой государыни. Павел остановился рядом. Я посмотрел в его твёрдое, напряжённое лицо. О чём думает он сейчас? Кого хоронит — мать или врага?

Наконец тело опустили в узкую могилу, пробитую среди плит собора. Поскольку роскошный саркофаг ещё не был полностью готов, сверху могилу императрицы укрыли чёрной бархатной тканью и множеством живых цветов, набранных в многочисленных петербургских и частных оранжереях. Над входом в собор развернули транспарант на французском:

«Она, которая побеждала королей и под чьей короной соединились многие царства, теперь простёрта бездыханной. И вот великий преемник провожает прах Екатерины в крепость с более чем священным трепетом. И я скажу: похороны — это тени славы, но траур, огорчая нас, открывает истинный образ, который предстаёт перед нами со всеми подобающими его достоинству знаками. Как цезарь живет в своём народе, так и народ живёт в нём».

Тотчас по окончании погребального обряда все придворные чины получили приказание явиться ко двору. Все собрались в траурной Кавалергардской зале. Разумеется, все эти трусы и трусики решили, что следует целовать руку императора, склоняясь до земли, что показалось мне весьма странным. Когда мы вошли в залу, начались такие приседания, что я не успевал поднимать этих паяцев, поспешно отдергивая при этом руку. В конце концов, до всех дошло, что короткого поклона (для мужчин) и неглубокого реверанса (для женщин) вполне достаточно, чтобы выразить своё почтение. Привыкшие к раболепству пожилые вельможи остались этим очень недовольны.

На следующий день после похорон меня вновь посетил Ростопчин.

— Ваше Величество, — заметно волнуясь, начал он. — Я направлен сюда волей короля Павла, дабы беспристрастно обсудить вопросы, почитаемые за наиважнейшие и определяющие...

— Не очень понимаю вас, но ладно. Давайте обсудим вопросы, почитаемые за наиважнейшие. И что именно король Павел таковыми «почитает»?

Ростопчин нахмурился — мой сарказм он принял за насмешку над собою.

— Прежде всего, разрешите заверить вас, что ваши родители решительно никак не участвовали в заговоре, случившемся в день смерти вашей августейшей предшественницы. Любые инсинуации на сей счёт есть черная ложь!

Из материалов допросов я уже знал, что именно Ростопчин и был одним из главных вдохновителей заговора. Насколько был погружён в детали Павел — пока оставалось неизвестно, и, вероятнее всего, достоверно не откроется мне никогда; разве что, я прикажу сейчас схватить этого Фёдора Васильевича, да и допросить «с пристрастием». Но мы же цивилизованные люди, а потому — увы!

А жаль.

— Оставим это, граф. Я не собираюсь кому-то мстить по этому поводу! — холодно произнёс я.

— Его Королевское Величество не сомневался в мудрости и благородстве Вашего Императорского Величества!

— Прекрасно. Так давайте покончим с этим, и начнём двигаться дальше!

— Совершенно с вами согласен, тем более что у нас есть крайне важное, но по сию пору незаконченное дело.

— О чём это вы, граф?

— Речь о браке вашей августейшей сестры, Великой княжны Александры, — пояснил Ростопчин. — Несмотря на непристойное поведение короля Густава, Ея высочество всё ещё испытывает к нему сердечную симпатию, и вы, как глава императорского дома Романовых, обязаны взять на себя заботу о её будущности!

Мысленно я только вздохнул. Вот нет у меня других забот, кроме как выдавать замуж малолетних «сестёр», выкручивая руки европейским министрам! Был бы ещё в этом хоть какой-нибудь смысл, а нет — помнится, император Наполеон был женат на австрийской эрцгерцогине, когда император Франц переметнулся из его лагеря в ряды антифранцузской коалиции, и никакие родственные связи не помогли.

— Как вы видите это... точнее, как это видит король Павел?

После этого вопроса Ростопчин заметно расслабился, решив, что я уже согласился, и речь теперь пойдёт лишь о мелких деталях.

— Вашему Величеству следует повторно провести переговоры с королём Швеции и вынудить его ...

— Прямо «вынудить»? Это странно, когда речь идёт о браке!

— Величие и мощь Российской державы позволяют рассчитывать на безусловный успех этого начинания! — уверенно и безапелляционно заявил Фёдор Васильевич.

— Ладно, с этим понятно. А как быть с переменой религии? Шведы настаивали на предварительном отречении великой княжны от православия — что мы с этим будем делать?

— Его Величество оставляет сей предмет на всецелое усмотрение Вашего Императорского Величества — быстрой скороговоркой отвечал Ростопчин, и его круглые, навывкате, глаза как-то странно при этом забегали из стороны в сторону, — будучи твёрдо уверенным, что Ваше императорское величество сумеет отстоять честь Российской державы и притом обеспечить интересы вашей августейшей сестры...

В общем, в переводе с дипломатического на русский это означало одно — крутись, как хочешь, но Александрин должна выйти замуж за шведа, не переменяя религии. Очевидно, в Гельсингфорсе рассчитывают, что я буду грозить шведам войной, поставив под угрозу жизни десятков тысяч людей ради воссоединения двух малолетних любящих сердец!

Глупость. Кретинизм. Да это просто верх идиотизма! Но, судя по всему, мой папенька (и особенно маменька) серьёзно считают это нормальным и правильным. Интересно, в головах этих людей есть хоть что-то, кроме предрассудков и амбиций?

Послать бы вас всех подальше. Но Саша... Как мне её жалко! Глупость семейки делает её несчастной, — да что там говорить, она способна привести мою сестру на край гибели!

— Ладно, ничего не обещаю, но постараюсь это устроить. Оставляйте Александрин в Петербурге, и я начну негоциацию со шведским двором — мрачно отвечал я Ростопчину. — Но не знаю пока, когда дойдут у меня до этого руки!

Тот раскланялся, рассыпаясь в благодарностях.

Уже на следующий день король Павел с семейством покинули Петербург, оставив в «Шепелевском доме» Александрин, и с нею пару фрейлин. Остался и Ростопчин — курировать проект брака великой княжны со шведским королём.

* - А.Н. Самойлов - генерал-Прокурор Сената.

** - А.С. Макаров - начальник тайной Экспедиции по смерти Шешковского.

*** - "Тайная экспедиция" Екатерины II действовала только в Петербурге.

Глава 2

Как же давно мы с супругой мечтали воссоединиться по-человечески! И только теперь у нас появилась такая возможность. Немедленно устроили спешный переезд, и Наталья Александровна заселилась в Зимний дворец на пустовавшую половину Константина. Так, после нескольких месяцев бака «де-юре», наконец-то мы съехались, и можем жить теперь, как положено мужу и жене. Надо же, а я уже и отвык спать с женщиной всю ночь в одной постели...

Утро. Я люблю просыпаться рано — чтобы успеть на службу в Адмиралтейств-коллегию к 7.00, согласно мною же установленному расписанию, надобно вставать хотя бы в половине шестого. И вот я лежу, думая о несовершенстве этой вселенной, где императору всероссийскому не позволено провести в постели несколько лишних минут. Наташа ещё спит, но дыхание её стало неглубоким и прерывистым — скоро проснётся и она. Что же, пора уже вставать...

— Саша?

Ну вот, поднимаясь, я всё-таки разбудил её...

— Пожалуйста, побудь со мною ещё немного! Ты всегда так рано уходишь! Когда я одна просыпаюсь в этой огромной постели, мне весь день потом так одиноко...

— Ну, разве что несколько минут. Очень много дел теперь, прости!

— Саша, можно спросить тебя? Только ты, пожалуйста, не сердись...

— Спрашивай, любовь моя! — отвечал я, целуя супругу в сонную макушку. — Давай, я буду одеваться, а ты меня спрашивай!

— Скажи... что грозит теперь графу Николаю Александровичу Зубову?

— Гм. Ты что же, решила ходатайствовать за бывшего жениха? Не можешь справиться с прежним чувством?

Наташа поднялась на локте и надула губки.

— Ну, вот что же ты опять надо мною смеёшься? Ты прекрасно знаешь, — я всегда любила тебя, ещё с того праздника в Таврическом дворце! Но ведь это было безнадёжное дело — никто, имеющий хоть каплю разума, и на секунду бы не поверил, что мы с тобой можем быть вместе. Ты — наследник престола, будущий император, а я простая дворянка, недавно лишь милостью императрицы ставшая графиней. Это было решительно невозможно! И я таила всё в себе, не открываясь даже папеньке, и лишь отвергала всех предлагаемых мне женихов. Но, когда сама императрица предложила графа Зубова — могла ли я отказать? Да и папа мечтал о внуках...

— Ну, в конец концов ты же ему отказала!

— О, когда мы объяснились — я готова была встать против целого света! Одного себе не прощу — добрая государыня была несказанно огорчена сорвавшейся помолвкой.

— Ну, честно говоря, при всех прочих достоинствах, сводня из неё была «так себе». Вон, Константин теперь со своей немкой как мучается... И меня ждало бы тоже самое, не имей я смелости отказать баденским принцессам.

Наташа тревожным взглядом следила, как я натягиваю на себя одежду. Я так и не смог привыкнуть к помощи камердинера — всегда казалось как-то тягостно-неприлично, что по утрам ко мне приходит другой мужчина и начинает застёгивать на мне пуговицы. Пришлось напрячь местных портных на конструирование одежды, которую можно одевать самому..., но результат не совсем меня устроил.

— Так что же, всё-таки, с Зубовым? — прервала мои мысли Наташа.

— Не знаю. Это решит суд.

— Но ты император, и имеешь право помилования!

— Имею. Но стоит ли использовать его сейчас? Зубов вывел гвардейский полк и повёл их на Зимний дворец. Заговорщики обманули солдат, заявив им, что идут «спасать законного государя». Погибло более пятидесяти человек, а ведь всё могло обернуться ещё хуже!

— Конечно, ты прав, Саша. Но только *как государь*. Подумай — проявив милосердие, ты привлечёшь больше сердец, чем строгим исполнением закона! Может, помиловать его?

— Это непростой вопрос, Наташенька. Сохранив жизнь заговорщиков, не поощрим ли мы новых покушений на трон? Иногда прямое соблюдение закона есть самое высшее милосердие! Один умный человек однажды сказал, что, став из частного лица императором или иным высшим лицом, надо первым делом посадить в крепость трёх своих друзей. Они знают, за что их сажать, и ты это знаешь — и, поступив так, ты даёшь знак всем прочим, что, раз уж такое случилось с твоими соратниками, то им ждать снисхождения тем паче не стоит. Прости, мне надо идти, ...но я подумаю над твоей идеей.

И, поцеловав супругу, я отправился на «службу».

Обычно мой день начинался с докладов о ходе следствия. Первое время от воцарения я жил, как на иголках: не очень понятно оставалось, насколько глубоко пустил корни заговор в армейских полках. Имелись самые серьёзные подозрения, что в заговоре участвовали генерал-фельдцейхмейстер Платон Александрович Зубов и генерал-аншеф Николай Васильевич Репнин; непонятной оставалась роль Валериана Александровича Зубова, командовавшего армией на Кавказе. И это тревожило донельзя.

Я, конечно, догадывался, (а после откровений Ольги Жеребцовой — точно знал), что могут быть проблемы с рядом гвардейских полков. План на этот случай предполагал, что суворовские войска полностью блокируют недружественные армейские и гвардейские соединения, но Александр Васильевич в это время подходил уже к Тюрингии, и, разумеется, никакой помощи оказать мне не мог. За неимением самого Суворова пришлось размахивать его именем, заочно объявляя измайльскому герою различные благодеяния. Не знаю, это ли сработало или обычная привычка наших людей к повиновению верховной власти, но до Нового года присягу «императору Александру Павловичу» принесли все войска и дворянство, за исключением самых отдалённых сибирских областей, куда новости приходили очень медленно. Тем не менее 2 месяца всё висело на волоске, и костры на площади перед Зимним дворцом не затухали. Из-за этого неустойчивого положения мне пришлось отложить оглашение манифеста об отмене крепостного права, ограничившись частичным прощением недоимки. Теперь я планировал сделать это во время московской коронации, благо к тому времени всё можно было подготовить в наилучшем виде.

Через полтора месяца следствие по делу о мятеже, имевшем место 26 ноября 1796 года, наконец, подошло к концу. Заговор действительно существовал и был довольно разветвлённым. Значительная часть российской аристократии считала закон Петра I о престолонаследии, согласно которого наследник престола назначался действующим государем неудачным и желала перехода к строго наследственному правлению.

Ход следствия показал, что Николай Иванович Салтыков совсем даже и не собирался устраивать мятежа, по крайней мере, в день смерти государыни. Идиот Николай Зубов неправильно воспринял его указания, и, что называется, «побежал впереди паровоза». Ну а гвардейские солдаты и унтер-офицеры по сути вообще были использованы «в тёмную».

Соответственно, наказание рядовых преображенцев не предполагалось суровым. Большинство обер- и унтер-офицеров было попросту обмануто руководителями мятежа. Штаб-офицеры же в основном придерживались «легитимистских» воззрений, когда-то высказанных мне графом Безбородко: «положено править Павлу, пусть правит Павел». В общем, вельможная верхушка Империи желала «стабильности» — спокойной наследственной смены императора, безо всяких сюрпризов и вывертов. На этих основах и образовалась фронда, которая столь

преждевременно и внезапно прорвалась в достославный день 26 ноября. Про солдат нечего и говорить — среди них не было никого, действительно приверженного Павлу.

Тут нам пришлось крепко подумать. Как объяснить этим людям, что Павел — решительно «не вариант» на роль императора всероссийского? Ведь если бы они знали то, что известно мне, ни один разумный человек не стал бы рассматривать его в качестве правителя!

И, после недолгих размышлений, я понял, что никто не сможет рассказать о Павле больше, чем... чухонцы. Точнее — «чухонцы», то есть русские, следовавшие за Павлом в Гельсингфорс. И первым мне на ум пришёл Ростопчин. В конце концов, невозможно долго служить Павлу и не получить от него пару обидных и незаслуженных головомоек!

С Фёдором Васильевичем от моего имени поговорили, и семена упали на благодатную почву. Ростопчин с радостью перешёл на мою службу, и первым заданием его оказалась беседа с офицерами мятежного Преображенского полка.

Их всех собрали на плацу и предложили послушать людей, подсказанных мне Ростопчиным, многие годы служивших Павлу. От услышанного преображенцы сильно приуныли: видимо, до того они совсем другими красками рисовали себе образ Павла Петровича. Заканчивал рассказ сам Фёдор Васильевич.

— Господа, — произнёс он, оглядывая присутствующих офицеров своими круглыми, навывкате, глазами. — Скажу вам прямо и безо всяких обиняков: служить Павлу — то же самое, что танцевать на вулкане. Горе тому, кто, целуя его руку, не грохается на колени с таким стуком, каким солдаты ударяют прикладом о плац. Так, год назад господин Спренгпортен, первый министр и генерал, был отправлен под арест за то, что поцеловал руку короля чересчур небрежно. Целые дни Его Величество проводит в учениях и вахтпарадах, ругаясь и топая ногами; и ты можешь быть обласкан вознаграждён, увешан орденами, а на следующий день, ошибившись в экзерциции или форме, лишён всего и сослан в Лапландию!

Смешки и перешёптывания в зале стихли; офицеры со всем вниманием слушали оратора, в отличие от них, представлявшего, за кого они подняли оружие.

— Вместо серьёзных дел король с пылом занимается мелочами военной службы. Форма шляпы, краг, воротников, цвет плюмажа, высота сапогов, гетры, кокарды, косички и портупей — вот чем он занят целыми днями. Абовский батальон явился на смотр с косами неуставной длины — прямо с плаца его маршем отправили в Лапландию! Однажды первый гатчинский батальон вывели навахтпарад; я при сём присутствовал в качестве зрителя. От действия узких панталон «луки Амура» некоторых молодых солдат приняли натянутое положение, да так, что это стало заметно; король приказал им переместить сей предмет единообразно, на левую ляжку!

Из собрания офицеров послышались перешёптывания и смешки.

Ростопчин меж тем продолжал. Чего-чего, а страсти к буффонаде у него было в избытке.

— Совершенно нелепым является страсть короля к истреблению круглых шляп, жилетов и фраков. Я сам, признаюсь, был на волос от беды, и лишь чудо божие и молитва доброй моей матери спасла меня от бед и напастей.

Как только дали мы присягу воцарившемуся государю на верность службы, всем объявили приказ не надевать кроме мундира другого платья. Однажды я не исполнил приказа; надел теплую кирейку*, голову прикрыл конфедераткой** à-la-Костюшко, и пошел по Северной эспланаде к Сенатской площади. Я прошел благополучно, без страха и опасения, до самой Сенатской площади, не встретил даже ни одного обезшляпенного и оборванного, но на самой площади увидел ильный натиск полиции на носителей круглых шляп, фраков и жилетов. Первая мысль у меня была уклониться благовременно от нашествия. Я вспомнил об указании не надавать другого платья кроме мундира, не отлучаться без приказа из дворца; меня пугала и конфедератка на голове. К счастью моему, я был в 10 шагах от двери лучшего друга моего, Сергея Васильевича Козицкого, снимавшего там квартиру у почтенного чухонца и юркнул к

нему, как чиж в дупло. Хозяин велел подать трубки и кофе и мы, будучи вне опасности подвергнуться оскорблению полицейских солдат, смотрели в окно на героев-полицейских, обдиравших добрых гельсингфорцев, и не могли удержаться от смеха! Чего там только мы не нагладелись! Один, лишенный шляпы, удостоенный изорвания фрака и жилета, в недоумении, что с ним сделали, ограждал себя знаменем креста; вступивших же в спор и состязание с полицией героев приветствовали полновесными ударами палкою. Жалобам не внимали, суда не давали, а из бока или спины награждения полученного не вынешь, — это такой формуляр, которого никакая власть не может выскоблить: что на спине или на боку оттиснуто, с тем и в могилу ляжешь.

Друг мой, Козицкий, видев усердное исполнение особого повеления, сказал мне:

— Я вас, Фёдор Васильевич, не выпущу от себя до темной ночи; вероятно с ночною темнотою буря эта позатихнет, и вы благополучно в санках дойдете в полк. Я охотно согласился на предложение и остался у него до вечера.

Василий Алексеевич Плавильщиков знал уже об объявленной войне врагам отечества; ему сообщил эту тайну знаменитый наш Иван Афанасьевич Дмитриевский, который рано утром был у военного губернатора, Николая Петровича Архарова, видел собранное войско на истребление шляп и изуродование фраков и жилетов и слышал все распоряжения и наставления, данные предводителям: наступать смело, действовать решительно, без пардона. В. А. Плавильщиков давно уже послал слугу к театральному бутафору (покупщик всех потребностей для сцены) просить какой-нибудь старой театральной трехугольной шляпы; если бы кто предложил 100,000 руб. за трехугольную шляпу, то и тогда не мог бы получить ее: во всех лавках, шляпами торгующих, и о заводе трехугольных шляп помысла не было. Слуга Плавильщикова замедлил; вот уже два часа пополудни, а слуги еще нет! В тогдашнюю эпоху всякая безделица наводила беспокойство; но скоро мы услышали большое словопрепирание, крик и всегда сему сопутствующую брань. Мы оба потихоньку сошли с лестницы, приложили уши к двери, чтобы дознать причину словопрения и услышали следующий разговор:

Слуга Козицкого вскричал: «Да что вы за бестолочь, не пускаете меня в дом, где я живу; меня посылал мой господин вот за шляпою, видите вот она, он меня дожидается».

А унтер полицейский, из гатчинских наших выкормышей, отвечал: «Да хотя бы сам финляндский митрополит, тебя дожидался — и тогда не пропущу; ты слеп разве? Посмотри хорошенько буркалами: видишь, дверь мажут, а мазать двери повелел Его Величество, и нам приказано до вечера все двери, ставни, фонарные столбы непременно выкрасить в шахматы по данному образцу, а кто не исполнит назначенной лепорции*** (пропорции), тому посулена неустойка богатая — 500 палок на спину; так я такого сытного угощения не желаю, и коли ты еще будешь нам мешать мазать, так я тебя так чупрысну по мордасу, что ты все звезды на небе пересчитаешь!»

Оказалось, король распорядился двери, ставни окон и все, что деревянное в строении выходило на улицу, в одни сутки раскрасить в шахматы; и Гельсингфорс принял вид гигантской гауптвахтной будки.

Прознав про то, Сергей Васильевич закричал слуге: «Что же делать: дожидайся, пока окончат!»

Через час спустя осада со входа к нам была снята и слуга, иззябнувший на улице, подал нам с ворчаньем засаленную и молюю источенную шляпу, которая, вероятно, со времен Карла XII валялась в углу кладовой у доброго чухонского бюргера. Козицкий был очень доволен такой находке, — да как и не быть довольным; что до того, что засаленный, грязный войлок на голове, да под покровительством его голова цела, не отведут для житья каморки в Свеаборгской крепости!

Господа офицеры озадаченно переглядывались: «вот же дурак», «шут гороховый» — то и дело доносилось из их нестройных рядов.

— Вот так, господа, поживаем мы в Гельсинфорсе! Поверьте, — проникновенно заглядывая в глаза офицерам, произнес Ростопчин, — если, упаси Бог, король Павел всё-таки станет русским императором, через полгода половина из вас окажется в Сибири, а другая половина будет завидовать первой! Благословите судьбу, пославшую вам императора Александра — каков бы он не был, это много лучше его папеньки! А как послужится при короле, расскажет вам господин Гейговиц.

Адам Фридрихович Гейговиц, поручик павловской гвардии, прибывший с Ростопчиным, охотно поднялся на сцену.

— Приветствую, господа преображенцы! Расскажу вам, как мы по воцарении Павла Петровича в Финляндии первый раз экипировались по новой форме! Я служил в одном из двух батальонов, которые, кроме Гатчинского полка, были переданы павлу Петровичу для обороны Финляндии. Заранее нам приказали явиться на ротный двор в 5 часов утра. Верный долгу, в урочное время я был уже на ротном дворе; двое гатчинских костюмеров, знатоков в высшей степени искусства обдирать на голове волосы по утвержденной форме и пригонять амуницию по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладели моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной форме... и началась потеха! Меня посадили на скамью посередине комнаты, обстригли спереди волосы под гребенку, потом один из костюмеров, немного чем менее сажени ростом, начал мне переднюю часть головы натирать мелко истолченным мелом; если Бог благословит мне хоть 100 лет жить на сем свете, я этой проделки не забуду!

Минут 5 и много усердного трения головы моею костюмером привело меня в такое состояние, что я испугался, полагая, что мне приключилась какая-либо немощь: глаза мои видели комнату, всех и все в ней находившееся вертящимися. Миллионы искр летали во всем пространстве, слезы текли из глаз ручьем. Я попросил дежурного вахмистра остановить на несколько минут действие костюмера, дать отдых несчастной голове моей. Просьба моя была уважена, и профессор оболванивания голов по форме благоволил объявить вахтмейстеру, что сухой проделки на голове довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнул, услышав приговор костюмера о голове моей. Начинается мокрая операция. Чтобы не вымочить на мне белья, меня, вместо пудроманта, окутали рогожным кулем; костюмер стал против меня ровно в разрезе на две половины лица и, набрав в рот артельного квасу, начал из уст своих, как из пожарной трубы, опрыскивать мою несчастную голову; едва он увлажнил её, другой костюмер начал обильно сыпать пуховкою на голову муку во всех направлениях; по окончании сей операции, прочесали мне волосы гребнем и приказали сидеть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на голове клейстер-коре; сзади в волосы привязали мне железный, длиною 8 вершков, прут для образования косы по форме, букли приделали мне войлочные, огромной природы, посредством согнутой дугою проволоки, которая огибала череп головы и, опираясь на нем, держала войлочные фалконеты с обеих сторон, на высоте половины уха. К 9 часам утра составившаяся из муки кора затвердела на черепе головы моей, как изверженная лава вулкана, и я под сим покровом мог безущербно выстоять под дождем, снегом несколько часов, как мраморная статуя, поставленная в саду. Принялись за облачение тела моего и украсили меня не яко невесту, но яко чучело, поставляемое в огородах для пугания ворон. Увидав себя в зеркале, я не мог понять, для чего преобразовали меня из вида человеческого в уродливый вид огородного чучелы.

И никак от сей экзекуции не избавиться; таковы нынешние нравы Гельсингфорса!

Преображенцы погрузнели. Кажется, даже самый легкомысленный унтер уже понял, что устраивать заговоры за дело Павла Петровича — занятие преглупейшее.

После этого полковник Скалон зачитал собравшимся высочайшее распоряжение:

— Господа, согласно рескрипта императора Александра, Преображенский полк раскасирован и расформирован. Его офицеры и солдаты распределяются среди армейских полков

согласно прямого учёта чинов, без гвардейской льготы.**** Вместо них будет набран новый полк из армейских офицеров и солдат.

Основных заговорщиков судил Сенат. Николай и Платон Зубовы были приговорены к смертной казни, Николай и Иван Салтыковы — к пожизненному заключению. Более двух сотен так или иначе замешанных в деле представителей высшего света оказались лишены своих поместий и сосланы в самые разные концы бескрайней Российской империи.

Разумеется, по поводу судьбы всех этих людей немедленно начались бесчисленные ходатайства и просьбы. Я находил их за обеденным столом, заткнутыми за тарелку, в карманах собственной шинели, на подоконниках Зимнего Дворца и даже на крышке моего личного «ретирадного» кресла.

Однако ещё большее количество просителей, заступников и ходатаев являлись ко мне лично; разумеется, одной из первых была мадам Жеребцова. Но надо отдать ей должное: в отличие от остальных просителей, всё время пытавшихся просочиться контрабандою, она прямо попросила об аудиенции и, разумеется, сразу же её получила.

В назначенное время в 9 утра она явилась в мой кабинет в Зимнем дворце. Нельзя не признать - раскрасневшиеся с мороза дамочка была просто прелестна в своём полупрозрачном, по последней парижской моде, платье и накинутый поверх персидской шали.

— Проходите, мадам, присаживайтесь! Не желаете ли кофею или чаю? Пирожные, бисквиты, ?

— Благодарю Ваше Величество, но я здесь с целью иной, чем дегустировать блюда императорской кухни. Речь идёт о моих братьях!

— Они мятежники, изобличённые собственными признаниями и многочисленными свидетельскими показаниями. И это установлено решением Сената!

— Ваше Величество, их запутали Салтыковы! Вы же прекрасно знаете нрав графа Николая Ивановича: это не человек, а дьявол: он кому угодно снег продаст зимою! А князь Платон, так опять же прекрасно вам известно, весьма недалёкого ума; что уж говорить о бедном Николе!

— Не могу не согласиться, особенно в отношении последнего. Кстати, как его рана?

— Ах, вы не знаете? Он очень страдает: в крепости ему отняли ногу!

— Какой ужас! Ещё один представитель вашего семейства, вслед за князем Валерианом, оказался без ноги, правда при менее славных обстоятельствах. Давно ли вы не получали вестей из Персии? Ведь это Валериан Александрович прислал вам эту чудесную шаль?

Ольга немного растерянно провела рукой по шёлковой ткани.

— Ваше Величество, у меня создаётся представление, что вы постоянно пытаетесь увести разговор в сторону. Ну давайте же вернёмся к нашим бедным узникам! Николай так плох! Он несколько дней был в забытии, и в бреду постоянно повторял ваше имя. «Ах, как я раскаиваюсь! Как я виноват перед Его Величеством!» — вот то, что он беспрестанно твердил всё это время!

— Откуда же вы это знаете? Вас что, пустили в камеру?

— Конечно же нет — быстро ответила Ольга, поняв что сказала что-то невпопад. — просто когда беспокоишься о судьбе человека начинаешь интересоваться всеми подробностями его жизни, расспрашивая даже самых низких служителей... ваше Величество...

— Для вас я по-прежнему Александр Павлович, мадам!

— Ах, я не смею называть вас по имени теперь, когда моя семья так виновата! Но, право же, мои братья совершенно не питали к вам зла! Они лишь орудия хищного и злобного интригана! Умоляю, войдите в их положение!

И на последних в словах Жеребцова бухнулась на колени.

— Встаньте, мадам, хватит ребячиться, и давайте говорить предметно! На самом деле нам есть что обсудить. У меня есть то что нужно вам; у вас есть то, что нужно мне, давайте совершим размен!

— О, Ваше Величество! Как я рада, что мы поняли друг друга! Я и сама уже хотела предложить, только не знала, как это сделать — проворковала Жеребцова и тотчас же начала раздеваться.

Несколько секунд я оторопело наблюдал этот процесс, а потом замахал руками:

— Нет-нет, вы неправильно меня поняли! Ольга Александровна, я, знаете ли, молодой, у меня молодая, пылкая супруга и *в этом смысле* мне решительно ни от кого ничего не надобно! Однако я не могу забыть услугу, которую вы оказали мне прошлый год на охоте. Тот разговор, вполне возможно, спас мне жизнь... Информация — вот что действительно ценно! Вас интересует негосударственная на таких условиях?

— Ваше Величество, — произнесла моя визави, запахивая шаль на груди, — если я ещё раз узнаю о каком-либо заговоре против вас, я непременно и немедленно...

— Ольга Александровна, я немного о другом: прежде всего мне интересен посол Уитворд...

Лицо Ольги приобрело постное выражение, как у монашки, которой предложили пойти на водевиль.

— Увы, но это в прошлом. Когда в прошлый год вы раскрыли мне глаза на меркантильные намерения этого человека, я тотчас разорвала эту связь!

— Эээ... ладно. Тогда план меняется. Представьте: вы едете в Лондон, вся в ореоле таинственности, олицетворяя круг изгнанной из России благородной аристократии. Вас принимают в лучших домах; генералы, парламентарии, архиепископы, герцоги, принцы крови — все они распростёрты у ваших ног... Вы вызываете всеобщее сочувствие лондонского света, как гонимая, пострадавшая от мнительной мелочной злобы императора Александра, невзлюбившего вашу семью... Уверен, уже скоро все тайны Сент-Джеймского дворца откроются пред вами! Через некоторое время к вам присоединится Николай Александрович — бледный, искалеченный инсургент, раненый, но не сломленный; а там, глядишь, и Платон Александрович появится «из глубины сибирских руд»...

— Как вы изволили сказать, Ваше Величество? «Из глубины руд»?

— Ну, это я так, к слову. Всё у него будет нормально. Мы же не звери! Будете поддерживать связь через Семёна Романовича Воронцова: он там в Лондоне за своего.

— А какого рода сведения вас могут заинтересовать?

— Ой, да решительно всё, что сможете раздобыть! Дипломатические слухи: оценка действий нашего двора, мнение о положении дел на континенте, назначения во флоте, планы войны против Франции и Испании... Самый широкий перечень сведений! Но, кроме информации, интересны также и влияния: мнение, совет, пожелание, вовремя высказанное важной персоне, может быть решающим для судьбы всего мира... Итак, что скажете?

*- кирейка - обиходное название сюртука

** - "конфедератка" - шапочка, обыкновенно черного сукна, обычно характерной четырехугольной формы.

***- "лепорции" - пропорции; здесь - установленного задания на день.

**** - имеется в виду преимущество в два чина, получаемое гвардейскими офицерами при переводе в армию.

Глава 3

В общем, с салтыковскими заговорщиками мы более-менее разобрались. Князь Николай Zubov, Сенатом приговорённый к смертной казни, в итоге отправился в ссылку; его брат Платон Zubov, бывший фаворит, пока оставался на свободе, хотя оба его секретаря, Альтести и Грибовский, были арестованы по многочисленным делам о взятках. Николай Салтыков был вынужден переселиться из Зимнего Дворца в Шлиссельбург. По иронии судьбы он оказался в камере, где содержалась жена и дети Емельяна Пугачёва, отпущенный мною на волю. Ряд офицеров разослали по армейским полкам, в основном в местности с нездоровым климатом и недружелюбным местным населением.

Теперь предстояло в кратчайшие сроки войти в дела огромной Российской Империи; а это значит — разобрать просто тьму бумаг! Кроме документов, совершенно различного вида и значения, доставшихся от предыдущего царствования, на меня немедленно хлынул настоящий вал разного рода обращений, челобитных, записок, ходатайств, справок, адресованных уже непосредственно мне. Всякого рода жалобщики, обиженные чем-либо за долгие 34 года правления Екатерины, в надежде на пересмотр своих дел буквально бросились в Петербург, всеми правдами и неправдами пытаясь попасть во дворец, чтобы «упасть к ногам императора». Уже через несколько таких «падений» я начал понимать, почему Елизавета Петровна в своё время категорически запретила подавать жалобы ей лично: отказать жалобщику в участии в рассмотрении его дела казалось бессердечным, а углубляться во все эти частности совершенно не было времени!

Кроме того, что эти, по преимуществу, мелкие дела страшно отвлекают от основных обязанностей, так это ещё и небезопасно: кто мешает какому-нибудь сутяге пронести с собою кинжал, да и в запальчивости пустить его в дело? Конечно, можно приказать их обыскивать; но совершать такие действия с дворянином в эти времена считается неприличным, и я не был уверен, что мои сотрудники будут исполнять это распоряжение достаточно скупулёзно.

Тем не менее, я сделал всё возможное, чтобы обезопасить себя. Была создана Экспедиция Собственной Безопасности, возглавил которую измайловец Дмитрий Иванович Волховский. В неё набрали безусловно преданных мне офицеров и солдат, из которых прежде всего, как не странно, вытравляли... почтение к офицерам. Я прекрасно помнил, как в своё время убили императора Павла: заговорщики просто прошли мимо караульных солдат, не посмеавших остановить их. Люди из моей охраны подчинялись только Волховскому и мне. Их вооружили пистолетами новой конструкции, а позже — ручными гранатами, кинжалами кавказского типа, хорошо подходящими для боя в стеснённых условиях; основным оружием было укороченное драгунское ружьё. Как правило, эти люди не находились на виду: караульную службу продолжали нести солдаты гвардейских полков, а сотрудники из службы охраны находились во внутренних покоях, или страховали караульных, присматривая за ними со стороны.

Разумеется, Дмитрий Иванович сразу же стал резко возражать против свободного доступа ко мне жалобщиков и ходатаев. Понятно, что с точки зрения безопасности это было крайне нежелательно. Чтобы хоть как-то упорядочить поток разного рода обращений, и одновременно по возможности избавить себя от жалобщиков, я приказал устроить несколько почтовых ящиков, куда можно было в любое время положить свою челобитную. Поток их был столь велик, что уже вскоре я решил провести полную ревизию всех уголовных дел за последние 10 лет. Попутно вскрылось, что в Сенате находится более 30 тысяч нерешённых дел — некоторые тянулись со времён Елизаветы! Придётся в самое короткое время заняться реформой Сената, — такое положение дел совершенно нетерпимо...

Обычно новое воцарение сопровождается многочисленными пожалованиями, способствующими повышению популярности нового монарха. Разумеется, в моём случае ни о какой

раздачи поместий, чинов и орденов не могло идти речи, поэтому я зашёл с другой стороны: было объявлено об уничтожении цензуры и полной свободы печати. Немедленно амнистировали несколько тысяч заключенных и ссыльных — и в первых рядах, разумеется, Радищева и Новикова. Александру Николаевичу предстояло ещё приехать из Кяхты, а вот Новиков, сидевший в Шлиссельбурге, уже через несколько дней предстал передо мною.

Господин этот был в прежние времена известным издателем, публиковавшим в Петербурге юмористические журналы. После ареста в 1792 году был отправлен в Шлиссельбург, что здорово подорвало его финансы.

— Николай Иванович, — сразу взял я быка за рога. — Буду краток. Мне нужно ваше перо и талант. Нужно пропагандистское обоснование всего, что я буду делать.

— Я рад бы служить вам, ваше Величество, — отвечал тот с осторожностью, — но насколько это согласуется с моей честью?

Пришлось вкратце, без подробностей посвятить его в свои планы, а также пообещать финансовое содействие. И Николай Иванович немедленно стал моим личным пиар-специалистом. Кроме того, ему было поручено распространение книги Радищева-Романова и статьи в журналах супротив крепостного права. Новиков, надо отдать ему должное, быстро взялся за дело и уже весной начал выдавать на-гора разные страсти про крепостное право и злобных якобинцев, мечтающих возмутить народ в России. Разумеется, правды во всём этом было чуть менее, чем серебра во фридрихсталерах, но великая цель вполне оправдывала этот невинный обман.

Постепенно наша жизнь в Зимнем дворце наладилась. Первым делом я назначил супруге статс-дам и фрейлин по её выбору. Сама будучи с 16-ти лет камер-фрейлиной императрицы, Наташа прекрасно знала изнанку «женской половины» Двора, в подробностях посвящена была во все интриги: кто против кого дружит, кто что мутит, как и у кого подворовывают, и прочее в этом духе. Поэтому лишь немногие фрейлины из прежнего царствования перешли в новый Двор. Разумеется, первым делом вылетели графини Шувалова и Головина — первые интриганки при дворе Екатерины. Фрейлинами моей юной императрицы стали княжна Шаховская, графиня Толстая, и сёстры Протасовы.

Ударными темпами начали обустриваться покои императрицы в Зимнем Дворце. После Константина остался паркет, истыканный шпагой и штыком, расшатанные стулья и стены со следами пистолетных выстрелов — Костик, воображавший себя великим застрельщиком и бретёром, любил стрелять из пистолета по мухам (и иногда даже попадал). Пришлось перекрывать пол, заново обставлять дворец мебелью, навешивать шторы и драпировки, чем Наталья Александровна не без удовольствия и занялась, при этом чутко отслеживая последние модные веяния. И, надобно сказать, было что отслеживать!

С новым царствованием резко переменились вкусы и взгляды на прекрасное, в том числе сильно изменился вкус к мебели и интерьерам. Позолота, резьба, изящно изогнутая мебель, роспись по стенам, штофные обои вышли из моды. Теперь все были без ума от античности: мрамор, гранит, барельефы, фризy, деревянные панели, бронза — то, что вскоре будет называться «ампир». Благородные, простые интерьеры, избавленные от нагромождения деталей, соразмерные и изящные, соблазняли немедленно перестроить свое жилище по новым канонам.

Конечно, наши с Наташей вкусы не во всём совпадали. И тут я испытал огромное удовольствие, осознав, что нам совершенно нет нужды спорить об обстановке комнат. Мы ведь можем себе позволить отделать и обставить комнаты, не мешая друг другу!

— Свет мой, можно ли устроить эту залу из фальшивого мрамора? — спросила супруга про свою «гостиную».

— Конечно! — ответил я, целуя её. — Делай, что тебе заблагорассудится! Дорогая, давай, ты устроишь свою половину — все пять комнат, а я — свою. Договорились?

Пару дней пришлось потратить на общение с господином Гваренги. Мои детские интерьеры, не менявшиеся пятнадцать лет, конечно, требовали обновления. Наталья Александровна потратила на разработку «дизайн-проекта» своей половины много больше времени. Женщины...

Весь Петербург в это время бросился в вихрь развлечений. Мой первый манифест, обещавший подданным права и свободы, вызвал в обществе огромные надежды на перемену к лучшему. Дворцовые праздники прекратились из-за траура, зато совершенно по-новому блистали частные балы. Собиравшиеся в них дамы представляли собой презабавное зрелище: половина одевалась по старой традиции — с буклями, париками, пудрой, пышными платьями с фижмами и сложными высокими причёсками, когда-то запрещавшимися Екатериной, а теперь полностью разрешенными; другая же половина одевалась в «античном» стиле — по последней парижской моде. Платья из тонкой материи с сильно завышенной талией, причёски из собственных завитых волос, полное отсутствие пудры, лаконичность прочей косметики, «естественность во всём» — всё это с модными журналами и слухами пришло к нам из-за Рейна и смело завоёвывало теперь вкусы Петербургского высшего света.

Совершенно прошла вдруг мода на бриллианты: оставив массивные драгоценности в бабушкиных шкатулках, модницы нового времени наперебой носились за геммами в античном стиле. Мужчины не отставали: вместе камзолов появились вдруг жилеты и фраки, круглые шляпы — предтечи цилиндров. Универсальной одеждой становится фрак, который носили во всех случаях (при дворе я его тоже разрешил). Фрак был известен и ранее, но в свете он был совершенно не популярен. Теперь же из Франции пришли к нам фраки в стиле «инкруаябль»*. Он был снабжен чрезмерно большим воротником и лацканами, дополнялся не менее внушительным галстуком, закрывавшим подбородок, а туго накрахмаленный воротник рубашки, доходил до середины щек.

Новая одежда радикально отличалась от прежней полным отсутствием украшений. Золотое шитьё, галуны, драгоценные камни на мужской одежде — всё это безвозвратно кануло в прошлое. Бархат и атлас были преданы анафеме: отныне «мужские» ткани не должны ни переливаться, ни блестеть!

Я всему этому был только рад. Все эти дурацкие украшения, пуговицы с бриллиантами, красные каблуки, а уж тем паче — парики, косы, букли и тупеи, — это такая хрень, что и словами не описать.

Наступающий девятнадцатый век явно был в моём вкусе... Однако, почти сразу же начались неприятности.

Чтобы разместить по комнатам все необходимые предметы убранства, требовалось хотя бы вчерне распределить комнаты в резиденции среди моей свиты и личной свиты императрицы. Тут весь двор был просто шокирован куцом количеством новых придворных должностей: я назначил себе четырёх камер-юнкеров и двух камергеров, Наташа — четырёх фрейлин и двух статс-дам! Даже нищие немецкие маркграфы содержали больший двор! Сколько разочарований, разбитых надежд, нереализованного честолюбия вельмож, надеявшихся на тёплое место при новом дворе, обрушилось на шокированный петербургский свет! И, не успели все по-настоящему удивиться произошедшему, как я нанёс по благообразию русского императорского двора 18 века новый страшный удар, объявив, что придворные должности не несут теперь никакого реального значения, становясь всего лишь почётными наименованиями, и не оплачиваются! И флигель-адъютанты, и генерал-адъютанты, и камер-юнкеры, и камергеры теперь практически исключены из Табеля о рангах!

Как только эта новость пронеслась по гостиным и салонам, шум поднялся такой, что на второй день ко мне приехал взволнованный Воронцов.

— Ваше Величество, не поторопились ли вы с отменой придворных привилегий? Ведь при почившей императрице эти звания имели преимущество перед чиновниками гражданской службы, а теперь они совершенно теряют своё значение, Табелем о рангах установленное!

— Александр Романович, как мы с вами уже говорили, Правительство должно быть отделено от дворца, и произошедшая теперь отмена придворных чинов является шагом в этом направлении. И, думаю, что на фоне известных вам грядущих перемен, сия перемена вскоре окажется столь незначительной деталью, что вскоре про неё никто и не вспомнит!

— И когда вы намерены огласить ваше... «большое решение»? — с интересом спросил Воронцов.

— Полагаю, что в день «священной коронации». Пятое апреля представляется удобною датой — на сей день выпадает Пасха.

— Вы примете необходимые защитные меры?

— Графу Суворову отправлено уведомление о случившейся перемене царствования, с указанием возвращаться в пределы отечества. К апрелю мы разместим эти войска вокруг Петербурга, Москвы и в важнейших губерниях.

— Это хорошо; но, дабы после освобождения не возникло хаоса, надо ввести положения по управлению освобождёнными крестьянами.

— Я этим бы занялся, но времени, честно говоря, на это совершенно нет. Очень надеюсь, что вскоре приедет господин Радищев; я сразу же поручу ему это дело.

— Но если уже 5 апреля будет провозглашено освобождение...

— Нет, власть помещиков сохранится до следующего года. Надо, чтобы сельскохозяйственный работы в этом году прошли без затруднений, очень возможных в такое переломное время.

— Весьма разумно — одобрительно заметил Александр Романович.

— А вы, граф, не желали бы вернуться на государственную службу? Коммерц-коллегия и пост канцлера вас!

— Весьма польщён, Ваше Величество! — с поклоном отвечал Воронцов, и я заметил в его глазах искорки интереса. — А каковы будут мои прерогативы как канцлера?

— Ну, что-то вроде того, что мы видим в Англии. Руководить Кабинетом, вести внутреннюю и внешнюю политику, общее направление которой определяется монархом!

Услышав намёки на заимствования из английской политической системы, Воронцов просто расцвёл.

— Сочту за честь возглавить Русское правительство, Ваше Величество!

— Ну, вот и славно. Мы ведь с вами всегда находили общий язык, не так ли? Военную коллегия я пока возглавляю сам, а что касается остальных, то попрошу вас: подберите кандидатуры на посты в Коллегиях и на места губернаторов и генерал-губернаторов.

Воронцов ещё больше повеселел.

— И не забудьте про наш уговор. Мне нужно лояльное отношение главных вельмож к моему плану освобождения крестьян.

— Безусловно, Ваше Величество. Но ведь план ваш сохраняет своё действие и в отношении конституционного правления, не так ли?

— Конечно.

— Так значит, я могу представить на ваше рассмотрение проект Конституции?

— Непременно! Вы уже что-то готовили?

— Нет, но это ведь совершенно недолго...

— Ой, не уверен... Такие документы, Александр Романович, с кондачка не принимаются. Но в любом случае — готовьте, и будем обсуждать. Только имейте в виду: было бы крайне опрометчиво подтвердить нерушимость права дворянской собственности, не произведя перед

этим освобождения крестьян, о чём мы с вами, дорогой Александра Романович, неоднократно уже разговаривали.

— Это очень не понравится нашему дворянству! — заметил Воронцов.

— Ничего не поделаешь. Крестьяне должны получить облегчение своего положения, а значит, дворянам придётся ужаться. И прекращение придворных чинов — это лишь один из шагов на этом пути...

Наконец, улеглась суматоха с поимкою мятежников, приведением к присяге чиновников и офицеров, и прочими мелкими, но необходимыми событиями, сопутствующими любой смене власти. Дела начали входить в «текущую колею». Теперь мне, прежде всего, надо было встретиться с вельможами, составлявшими правительство Российской империи, выполнить кадровые перестановки, наметить дела на ближайшее время. Просили о срочной аудиенции и иностранные послы. Также надо было познакомиться с наместниками и губернаторами, с кем мне не приходилось ещё встречаться (таких было немного), и, конечно же, посетить Сенат.

* - «инкруаябль»- "невероятные".

Глава 4

Начал я с созыва Совета при высочайшем дворе, назначив его буквально на следующий день после смерти государыни. Встревоженные вельможи стали собираться уже загодя, и одним из первых приехал мой старый враг, Александр Андреевич Безбородко.

Казалось бы, невелик шаг от цесаревича до императора. Малейшая случайность в любой момент может оборвать жизнь пожилого человека на троне, и вот, ты уже облечён безграничной властью. Но, всё же, различие огромно.

Наследник престола, как не крути, это кандидат, полностью зависящий от воли иного лица. Кто знает, как оно ещё обернётся — может быть, случится то же, что и с несчастным Павлом Петровичем, обречённым доживать жизнь в нищей Финляндии! А уже когда твой предшественник почил в Бозе, и все уже приносят присягу и порываются целовать руку — вот это уже совсем другое дело!

Так что Граф Безбородко, когда-то имевший смелость выступить против воли императрицы, желавшей моего назначения наследником престола, теперь был сама любезность и предупредительность.

— Ваше Императорское Величество! Прежде всего, позвольте выразить вам самые наиглубочайшие верноподданные чувства всемерной любви и уважения! Не могу слов найти, как счастлив я, четверть века прослужив августейшей бабке вашей, теперь иметь честь стоять рядом с ея царственным внуком!

Ну-ну. Старый чёрт, конечно, хитёр и изворотлив, как сам Сатана, но в дипломатических делах, прямо скажем, силён. Хочет служить — так пусть служит! Надо будет, конечно, крепко за ним присматривать... как, впрочем, и за всеми остальными.

— Александр Андреевич, я готов забыть всё, что было меж нами, и работать вместе на благо России. Полагаю, внешние сношения должны оставаться в вашем ведении!

Старик польщённо замолчал, аж зажмурившись от удовольствия; затем, однако же, продолжил совсем не так любезно, как можно было ожидать:

— Ваше Величество, прежде чем принять на себя столь высокую должность, прошу просветить меня на предмет новости, громом, поразившей и обе столицы, и всю державу нашу, и особенно — иностранные дворы! Ужели весть о браке вашем с Натальей Александровной Суворовой и вправду справедлива?

И, задав этот, вроде бы невинный, вопрос, Александр Андреевич смотрит на меня с самым простодушным выражением лица.

Вот куда ты клонишь, хитрожопый сукин сын!

— Да, это так. Мне через две недели исполняется девятнадцать лет — возраст, вполне пристойный для брака. А что же в связи с этим вас беспокоит, драгоценнейший Александр Андреевич?

Безбородко округлил глаза, делая вид, что фраппирован донельзя.

— Но, как же так, Ваше Величество? Долг государя требует, чтоб брак его являл собой, прежде всего, политический акт! Честь государя взывает к союзу с равной себе персоной, из императорского или королевского правящего дома!

— Однако же супротив брака с принцессой Баденской вы, конечно, не возражали бы, хотя родители её — всего лишь маркграфы, да ещё и изгнанные с трона французскими войсками? Или против Марии-Терезии, дочери свергнутого французского короля? Кстати, они всё ещё едут в Петербург?

Александр Андреевич укоризненно сжал губы.

— Теперь они остановились в Митаве, во дворце Платона Александровича, и отдыхают там после длинной дороги. Но, получив столь ужасающие вести, конечно же, семейство христианнейшего короля с отвращением повернёт обратно в Вену...

— Ну, передайте, что мне жаль. А вы, что же, действительно хотели бы, чтобы я женился на дочери изгнанного короля? Вот странная затея! Тем самым мы совершенно испортили бы отношения с Францией, поставив себя в положение обязанных воевать за одну из их партий, с совершенно непонятным результатом!

— Ваше Величество, неужели вы ищите большего в браке с дочерью вашего слуги, присягою обязанного повиноваться вам?

— Эээ, Александра Андреевич, Александра Андреевич... Несчастному императору Петру Фёдоровичу тоже ведь присягали, но это его не спасло! Нет, к присяге надобно добавить ещё и личный интерес — тогда присягнувшее лицо может почитаться действительно преданным мне. Почившая государыня прекрасно сие понимала, (тут Безбородко, соглашаясь со мною, любезнейше поклонился), и достигла тем впечатляющих результатов. И вот, представьте, Александр Васильевич Суворов, генерал-аншеф, увенчанный лаврами славнейших побед, уже мысленно видит внуков своих на троне; как вы думаете, что сделает он с теми, кто осмелится хотя бы мысленно посягнуть на мою власть? Полагаю, судьба этого безумца будет весьма незавидна... Кстати, попытка повредить здоровью Александра Васильевича тоже не будет состоятельна: граф Суворов окружён верными ему солдатами и офицерами; он ест из солдатского котла, его невозможно отравить. В общем, не знаю, что там можно было бы выторговать у свергнутого Людовика в приданное за его длинноносую дочь, а Наталья Александровна Суворова принесла с собою безграничную власть над бескрайними просторами Российской империи, любовь солдат и уважение офицеров трёхсоттысячной армии!

— Ах, Ваше Величество, но что же нам, вашим слугам, теперь со всем этим делать? Как объяснять произошедшее иностранным посланникам?

— Гм. Отчего же вы полагаете, что им надобно что-то пояснять?

Безбородко укоризненно покачал головой.

— Ваше Величество! Во всём мире существует некий установившийся порядок вещей! Монархи передают свою власть по наследству — от отца к сыну, а браки заключаются между равными по положению семействами. Всё иное — опасное якобинское своемыслие, несущее анархию и гибель!

— Граф, вы только что обозвали якобинцем Петра Первого, в зрелом возрасте выбравшего супругу по своему вкусу и усмотрению. Я уж не буду поминать римских цезарей, нередко отличавшихся чрезмерной свободой нравов... Понятное дело, они не были христианами. Но из более близких нам времён можно вспомнить, скажем, достославного английского монарха Эдуарда Четвёртого, своей волей и вопреки советчикам женившегося на дочери своего подданного — леди Элизабет Вудвилл, и правившего затем долго и вполне достойно. Полагаю, это не худшие примеры для подражания! Так что, дорогой граф, уведомите послов великих держав, что молодой император пошёл по стопам своего великого предка, Петра Первого, только и всего. Да, и в будущем новый монарх ещё множество раз обратится к духу и опыту этого успешного правителя!

Пока мы с графом Безбородко вели столь учёную беседу, члены Совета, наконец, собрались. Пришёл Воронцов, давно уже извещённый о грядущем восстановлении своего членства в Совете, генерал-прокурор Сената Самойлов, Завадовский, престарелый Остерман, назначенный недавно Ростопчин, отозванный из Франции граф Алексей Орлов. Явились секретари Совета: Василий Попов, Степан Стрекалов, пришёл мой личный статс-секретарь — юный Михаил Михайлович Сперанский. Я разыскал его ещё два года назад (человека с такой фамилией трудно не запомнить, а ещё сложнее не найти), но пока держал на второстепенных ролях, присматриваясь к нему и давая накопить опыта и знаний.

Ну, раз все в сборе, пора начинать.

— Господа, сегодня у нас первое заседание Совета, назначенное после понесённой нашей державой тяжелейшей утраты. Сегодня в три часа пополудни я выступаю с траурной речью в Сенате, где отдам должное заслугам предыдущего царствования, умолчав, конечно же, о его недостатках. Однако же, здесь и сейчас у нас прямо противоположная задача — вскрыть накопившиеся проблемы и обсудить пути их разрешения. Это не значит, что я критически настроен в отношении правления ныне почившей августейшей бабки своей, — совсем нет, тем более, что последние годы я принимал в этом правлении самое прямое и деятельное участие. Однако долг монарха требует от меня, отставив в сторону лавры, — о них мы помянем в торжественных речах для публики — заняться, прежде всего, разгребанием зарослей тёрна, за прошлые тридцать четыре года выросшего кое-где в тёмных углах. Как вы знаете, есть сферы, коих я ранее не касался: внешняя политика, финансы, состояние армии, управление губерниями, Сенат, Синод, образование, дела общественного призрения. Постепенно с вашей помощью я полагаю овладеть всеми браздами правления.

Прежде всего, хочу сообщить, что заседания Совета при высочайшем дворе теперь станут регулярными. Я почёл уместным переименовать его в Непременный совет, потому что никакие решения без одобрения большинства его членов более не будут мною приниматься... за исключением нескольких, которые решены уже ранее, и будут оглашены в своё время. Я обсуждал их более узким кругом — с Александром Романовичём и несколькими другими конфидентами...

Воронцов, услышав это, мрачно кивнул.

— Также, я намерен учредить в настоящем Совете пост руководителя. Председательствующим назначается граф и кавалер Александр Романович Воронцов. Отныне, кроме ранее назначенных членов, по должности в Совет входят все президенты коллегий, Ober-Прокурор Сената, Председатель Законодательной Комиссии и Первоприсутствующий Верховного суда. Как вы могли заметить, последних двух должностей пока не существует, как нет ни Суда, ни названной Комиссии. Эти лица займут свои посты после их назначения и формирования ведомств.

А сегодня, господа, я хотел бы обсудить внешнюю политику. Александр Андреевич, я знаю, в курсе всех дел и может просветить нас. Граф, вы готовы произнести на эту тему небольшой доклад?

Безбородко встал и поклонился собравшимся.

— Господа! Ныне ситуация в Европе почитается весьма неустойчивою. После того как пруссаки коварнейшим образом заключили с французами Базельский мир, Австрия одна осталась противостоять возмутителям европейского спокойствия.

— Александр Андреевич, напомните нам, на каких условиях Пруссия договорилась с Францией? — уточнил я у Безбородко. Последний польщённо кивнул.

— Ваше Величество, как всем нам известно, французы давно уже покушаются безраздельно овладеть всем левым берегом Рейна, обездолив тем самым множество германских князей. Фридрих-Вильгельм Прусский согласился потерять все свои владения за Рейном и допустил, что иные немецкие государи также утратят свои земли к западу от этой великой реки, в обмен на компенсацию на правом её берегу, что должна последовать за счёт церковных владений. И теперь между французами и пруссаками на сей счёт идёт активная негоциация!

— Понятно. То, что он получил обширные польские земли в вознаграждение за войну с Францией, уже как бы и не считается. Продолжайте, Александр Андреевич!

— Да, с Потсдамским двором получилось всё, как вы и предсказывали два года назад, Ваше Величество! Итак, пруссаки покинули коалицию держав, не желая оставаться по одну сторону с Австрией. Следует ожидать, что в компанию будущего года французы соберут все свои силы против Австрии и, вероятнее всего, преуспеют.

— Отчего вы так думаете? — с интересом спросил Воронцов.

Александр Андреевич развёл руками.

— Можно предположить, что если Франция успешно противостояла Австрии и Пруссии одновременно, то теперь, когда Австрия осталась одна, они добьются успеха!

— Да, разумно предположить именно так всё и случится!

— Теперь, когда Пруссия отошла от общего дела и объявила нейтралитет, — взял слово Александр Романович, — французы укрепили свою власть в Голландии, а Испания перешла на сторону французов, в следующую компанию с большой вероятностью следует ожидать поражения Австрии. И теперь нам следует решить, будем ли мы оказывать Австрийскому императору военную поддержку!

— Ну, и каково ваше мнение на сей счёт?

Воронцов слегка замялся. Как законченный англоман, он, конечно, желал бы объявления войны с Францией, однако собственные его убеждения предполагали воздержание от активных военных действий.

— Ваше Величество — произнес Безбородко. — Ежели Австрия в будущий год потерпит поражение, французская Директория станет хозяйкою Европы. Наверняка они захотят восстановить Польшу и заявят нам соответствующие требования! Мы же к тому времени уже не будем иметь ни одного союзника на континенте!

— Да, ситуация скверная, — подержал его обер-прокурор Сената Самойлов. — Французы уже сумели превратить голландцев и испанцев из своих врагов в союзников. Если они смогут нанести поражение Австрии и привлекут к союзу Пруссию, мы столкнёмся с угрозой доселе невиданного масштаба!

А мне оставалось лишь гадать, что теперь случится в Европейской политике. Ведь генерал Революционной Франции Бонапарт уже не определяет её развитие... и что там будет дальше — бог весть!

— Допустим, что предположения о том, что цесарцы в следующем году потерпят поражение от французского оружия, кажутся весьма основательными — наконец произнёс я. — Но что же вы в связи с этим предлагаете?

— Непременнo надо оказать Австрии военную помощь. — предложил Александр Андреевич. — Тот год ещё собрана армия под командованием генерал-фельдмаршала Суворова — возможно, пришло время пустить её в ход!

— Можем ли мы себе это позволить? Наши финансовое положение далеко не блестяще!

— Для компенсации военных наших затрат нужно добиваться английской субсидии!

— Жалко, что английские субсидии никак не помогут нам возродить погибших на полях сражений! Хорошо, с этой мыслью всё понятно. Но какие ещё варианты действия у нас есть?

Граф Безбородко учтиво и тонко улыбнулся.

— Ещё мы можем продолжать политику предыдущего царствования — от есть воздерживаться от вмешательства в европейские дела, объясняя это военными действиями в Персии. Но для этого надобно, чтобы война на берегах Каспия была продолжена!

— Признаться, этот вариант мне нравится много больше!

— Но, Ваше Величество, — запротестовал Самойлов, — это будет подлинная катастрофа! Через два, самое большее три года мы окажемся наедине против Франции её союзников, и никто уже нас не поддержит!

— Давайте не будем паниковать. Следует вспомнить, что последовательным и яростным врагом Франции является Англия. Не думаю, что это государство будет спокойно смотреть, как уничтожают Австрию. Они уже всю ищут новых союзников для австрийцев, и, вероятно они их найдут. Что касается угрозы восстановления Польши, — хочу обратить Ваше внимание, что Пруссия смогла договориться с Францией, несмотря на польский вопрос. А ведь Пруссии теперь принадлежит даже столица Польши! Я уверен, что французы дали пруссакам относи-

тельно польских земель некоторые гарантии, естественным образом распространяющиеся и на нас. Полагаю, если мы твёрдо заявим о своём нейтралитете, Сент-Джеймскому двору не останется ничего другого, как подкупать пруссаков, шведов, датчан, и даже итальянцев, лишь бы не допустить господства Франции в Европе!

— Все эти союзники ничего не значат без России! — заметил Самойлов.

— Александр Николаевич, не стоит преувеличивать роль и значений нашей страны. Мы вошли в европейские дела лишь в конце царствования Петра Великого, а до той поры Европа прекрасно обходилась без нас. Полагаю, они и дальше проживут без наших пушек некоторое время. Нам же не стоит чрезмерно торопливо бросаться в эти дразги, в которых мы, признаться, не очень разбираемся. Думаю, нам надобно взять пример с мудрой политики североамериканских штатов, старающихся не лезть за пределы своей территории. В общем, — подвёл я итог — предлагаю Совету проголосовать за невмешательство. Уверен, что нам не следует тратить силы нашей державы на разрешение каких-то узко-европейских проблем!

— Ваше Величество, — не сдавался обер-прокурор Сената, — такая политика может иметь совершенно ужасающие следствия. Если европейские страны объединятся против нас...

— Но прежде всего, должен сказать, что я не очень-то боюсь европейских армий. В нашей стране для европейцев тяжело даже просто мирно жить, а уж воевать и вовсе невыносимо! Маленькой армии нашу страну не одолеть, а большую здесь не прокормить. Это первое, что я хотел бы сказать на сей счёт.

Второе: разумеется, никто не мешает нам проводить в Европе активную политику, но при этом не ввязываться в войны. Мы можем использовать наш флот, можем, по примеру англичан, применять финансы, если, конечно, сумеем их наладить. Нам следует искать другие пути воздействия на Европейскую политику, воздерживаясь от прямого военного противостояния. Думаю, как раз если мы будем чрезмерно активны, то именно это может вызвать против нас объединение сил Европы. В общем, я голосую за нейтралитет. Что же касается французской угрозы, хотелось бы сказать следующее: никакая нация не может длительное время поддерживать напряжение своих военных и финансовых сил на таком уровне, как это демонстрируют сейчас французы. Сейчас пока ещё в них силён революционный задор, но уже через несколько лет их постигнет разочарование и усталость. Так что, думаю, через несколько лет они не будут представлять той угрозы, которую несут сейчас. И нам сейчас очень важно оставаться в стороне до момента, пока французы окончательно не утомятся!

Господа советники были несколько озадачены. Такой изоляционизм казался им чем-то крайне необычным.

— Ваше Величество, но в прежнее царствование основой нашего могущества была активная европейская политика! Этаким образом бы окажемся там, где находилась наша держава до воцарения Петра Великого!

— Да, в чём-то я с вами соглашусь. Нельзя не поставить в заслугу предыдущего правительства великие наши успехи в области внешних сношений. Плодами их стало присоединение бывших польских владений и укрепление нашего положения на юге, на черноморских берегах. Однако же рискну высказать мысль, что дальнейшее продолжение такой политики не может иметь место!

Брови Александра Андреевича в изумлении поползли вверх.

— Отчего же, Ваше Величество, вы считаете невозможным продолжать политику, приносящую нашему отечеству столько славы? — спросил Самойлов, — И какие именно стороны внешней политики Российской державы считаете вы неудачными и требующими исправления?

— Господа, первое, на что я бы хотел обратить внимание, это высокая стоимость нашей европейской активности. Не секрет, что финансы державы пребывают в расстройстве, размеры которого мне ещё предстоит узнать! Кстати, Александр Романович, — обратился я к Ворон-

цову, — третьего дня жду от вас доклад о положении дел с государственным кредитом и возможных мерах к его исправлению!

— Непременно всё будет исполнено, Ваше Величество! — подтвердил тот.

— Так вот, господа, — войны дорого стоят и довольно плохо окупаются! Поэтому, я бы желал, насколько это возможно, сократить наше политическое присутствие в Европе. Нам нужен мир. Двадцать лет мира — и вы не узнаете Россию!

Вельможи недоуменно переглянулись.

— Ваше Величество, — вкрадчиво начал Безбородко. — Ваше желание понятно, и, надо сказать, вполне согласуется с политикой предыдущего царствования. Сменю помнить, что ни первая не вторая турецкая война, ни Шведская компания не начинались Россией по своей воле — во всех этих случаях на нас нападали. Этот опыт с невыразимой печалью заставляет признать, что никакая наша умеренность во внешней политике не удовлетворит европейские дворы; разве что мы добровольно отступим до границ Алексея Михайловича Тишайшего! Увы, но история многих Великих держав непременно показывает нам, что лучший способ защиты своих границ — это нападение, производимое, желательно, с участием союзников.

— Александр Андреевич, вы, конечно, правы, если исходить из предыдущего опыта. Но время идёт, и ситуация меняется. Теперь Россия много сильнее, чем сто лет назад, и это начинает вызывать беспокойство европейских дворов. Вы знаете, что в последнюю войну англичане уже сколачивали против нас коалицию, и лишь высокое дипломатическое искусство позволило нам, воюя с Турцией и Швецией, избежать конфликта ещё и с половиной Европы. Полагаю, если бы не случилась эта несчастная история во Франции, то наша держава сейчас имела бы очень большие проблемы с объединёнными силами сильнейших европейских держав. Нужно дать европейцам время свыкнуться с нашим могуществом!

Господа советники молчали, обдумывая услышанное.

— Итак, я считаю необходимым остановить всё возможную политическую и военную активность на западных рубежах нашей державы. Поход на Рейн войск, возглавляемых генерал-фельдмаршалом Суворовым, как вы знаете, отменён, а войскам направлен приказ возвращаться в пределы нашей державы!

Этот вопрос не вызвал у совета никаких возражений.

— Дальнейшие наши действия во внешних сношениях давайте сообразуем с нашим финансовым состоянием. После доклада на сей счёт мы вернёмся к обсуждению внешнеполитических дел.

— Что же нам делать с войсками генерал-аншефа Зубова, продолжающего боевые действия против Персии? — резонно спросил Воронцов.

Это был для меня самый больной вопрос. Персидский поход я считал совершенно ненужной ошибкой, дорогостоящий как финансово, так и в отношении людских потерь. Однако же прервать его сейчас означало понести ещё и репутационные потери, между тем как продолжение похода могло принести некоторые территориальные приращения. А кроме того, заключённый ранее союз с Австрией требовал от нас участия в войне против Франции... если только мы сами при этом нигде не воюем. Так что персидский поход в этом смысле весьма полезен. А вот самого Зубова на посту главнокомандующего, пожалуй, надо было менять — к слишком уж неправильному семейству он принадлежал.

— Поход будет продолжен. Графу Зубову будут направлены подкрепления, достаточные для нанесения поражения Персии. Однако же я не желаю долгого продолжения компании. Всех необходимых целей надобно достичь уже в ходе грядущего, 1797 года!

— Вы полагаете возможным взять Испагань? — с сомнением в голосе спросил Безбородко.

— Я думаю, надо действовать по ситуации. Не получится Испагань, так взять хотя бы Тегерань! Нашей целью являются не территориальные приобретения — нам они не нужны, за

исключением разве что Апшеронского полуострова, а наказание шаха за разорение Тифлиса и получение с него возможно более крупной контрибуции.

— Было бы желательно также сменить шаха на персону, более нам дружественную! — заметил Воронцов.

— Думаю, что это неважно. Там нет никого, кто стал бы нашим твёрдым и последовательным сторонником. Все эти восточные деспоты не имеют никаких принципов и продадут нас при первой же возможности! Так что менять одного на другого, право же, напрасный труд.

С этим все согласились.

— Итак, господа, — подвёл я итог, — в ближайшее время я намерен встретиться с иностранными послами, дабы обрисовать перед ними принципы нашей внешней политики. Следующее заседание Совета назначается на послезавтра. Напоминаю, оно посвящено будет состоянию наших финансов!

Глава 5

Итак, встречи с послами я начал с Людвиг фон Кобенцеля. Этот австрийский дипломат, родом из чешских немцев, был, пожалуй, старейшим посланником при дворе Екатерины Великой. Двоюродный брат австрийского канцлера, он уже семнадцатый год представлял австрийского императора в Петербурге. Крайне угодливый от природы, он всегда прекрасно ладил с императрицей и, разумеется, завёл во время пребывания в российской столице многочисленные полезные связи.

Я поглядел на старика. Очень некрасивый от природы, в последние годы он ещё и подхватил какое-то кожное заболевание, отчего стал совсем уж безобразен, но нисколько не утратил своей, скажем так... дипломатичности.

— Ваше Величество, нет слов, как счастлив я лицезреть вас в новом качестве! Позвольте, однако же, принести вам глубочайшие соболезнования! Смерть вашей бабушки оказалась столь преждевременной и трагичной... Такое несчастье! И как это печально, что некоторые люди пожелали воспользоваться этим трагическим, хотя и неизбежным событием в своих низких целях! Впрочем, тут вы показали всем, чего стоите!

«Да уж, показал, — с горечью подумал я. — Расстрелял картечью ничего не понимающих преображенцев, которых внезапно вывели из казарм и в кромешной тьме по только выпавшему снегу направили к Зимнему дворцу...»

— Вожди мятежа, я полагаю, уже найдены и изолированы от общества? — с просительной интонацией произнёс австрийский посол, учтиво склонив голову, будто иного исхода он и не ожидал.

— Идёт следствие. Пока трудно сказать, насколько заговор был глубок и разветвлён, но, полагаю, основная часть офицеров гвардии им не затронута!

— Это замечательно! Ведь в наше тревожное время лояльность армии крайне важна! С польскими инсургентами покончено, но теперь ваша великая империя имеет несчастье граничить с пруссаками... Император питает надежду, что вы продолжите политику сдерживания прусских амбиций. Уверен, для этого достаточно будет лишь дипломатической ноты Вашего Величества!

— Да, граф, пруссаки показали себя с самой отвратительной стороны. Едва получив польские земли в награду за войну с Францией, оно тут же заключили с нею мир! Невероятно! Поверьте, всей душой я на вашей стороне! Однако же, скажу прямо, у меня нет желания вмешиваться в дела Европы! На мой взгляд, Россия, будучи не вполне европейской страной, не должна вести чрезмерно активной политики к западу от своих границ. Лучше обратить внимание на Восток и Юг, тем более, что призы там могут быть много более весомыми, а усилия к их достижению — заметно ниже, чем в европейских делах.

— Вы про ваши новые приобретения в Южных Морях?

— Именно. А вы? Почему Австрия не желает получить колониальные владения? Имейте в виду, мир не безразмерен — сейчас возможно приобрести лакомые куски земного шара, а вот потом поздно будет!

— Увы, мы не нация мореплавателей!

— Мы тоже, однако же это не помешало нам многого достичь за последние 90 лет! Если желаете, я могу продать вам замечательные быстроходные суда, построенные из первоклассного леса по новейшим французским чертежам!

— Я непременно передам своему правительству.

— Каковы ваши планы в отношении Турции?

— Скажу вам откровенно, граф — после Очакова нам от Турции более ничего не надо. Стабильная торговля через Проливы принесёт процветание в тот край, который вы десять лет

назад посетили с великой императрицей. Однако же, вы знаете турок — однажды они так допекут греков или болгар, что те поднимут восстание, а на подавление двинут каких-нибудь диких албанцев или египтян. Непременно начнётся дикая резня христианского населения, и что, спрашивается, мы в этом случае будем делать? Нам, вроде бы, и всё равно — это не наше население, но человеколюбие не позволит нам остаться в стороне. А если добавить к этому малую толику благоразумия, то станет очевидно, что надобно не дожидаться неизбежного избиения христиан (учитывая текущее состояние Турции, это обязательно случится), а упредить события и заранее изъять этих несчастных из ведения султана... или хотя бы как-то воздействовать на Порту, дабы избежать этой беды.

— Ваше Величество, вы полагаете, что это возможно?

— Не знаю. Когда-то Турция была довольно-таки веротерпимой страной, туда даже бежали иудеи из Испании, преследуемые фанатичными кастильскими королями... Но теперь всё изменилось. Когда дела у нации идут неважно — а у Блистательной Порты они, прямо скажем, не блестящи, — начинаются самые дикие проявления нетерпимости, и, боюсь, на Балканах мы ещё станем свидетелями самых мрачных ужасов! Я предложил бы создать некий комитет из крупнейших держав для наблюдения за соблюдением султаном Турции прав своих подданных. Как только случится неизбежное — державы должны будут жёстко отреагировать, с соразмерной компенсацией всем надзирающим державам. Как полагаете, удастся ли убедить англичан?

— Ваше Величество! Не так сложно договориться с англичанами, как трудно убедить в одном и том же англичан и французов! Если произнести при них «дважды два — четыре», и один согласится, то второй тут же бросится утверждать, что правильный ответ — пять!

— Вы, как всегда, правы, граф. Кстати, как ваши дела в Италии?

— Увы, Ваше Величество! Мы так ждали армию Суворова на Рейне; когда же вы изволили отозвать графа и пятьдесят тысяч его войска, нам пришлось очистить левый берег Рейна. Это не могло не сказаться на боевых действиях в Пьемонте, где мы потерпели два крупных поражения.

— Мне, право, жаль. Однако же, я предложил бы вам сейчас замириться с Директорией. Сейчас французы ещё одурманены своим революционным задором; должно пройти время, чтобы они одумались. Такой подъём духа нации не может быть долговременным, и вам, соседям Франции, надо просто его перетерпеть, а потом, лет через десять, дела пойдут своим обычным чередом!

В тот же день меня посетил английский посланник — Чарльз Уитворд. Больше всего он интересовался моей позицией по отношению к Франции. Пришлось его огорчить:

— Скажу прямо, Чарльз: Россия не будет участвовать в войне с Францией. Нет, дело не в боязни революции и не в страхе проиграть. Просто мы, наблюдая за событиями, четко осознали, что происходящая сейчас европейская война — это идейно-политический конфликт, это война идеологий. А мы, не будучи вполне европейской страной, не разбираемся и не можем в достаточной мере разбираться в этих идеологических нюансах. Поэтому, увы, мы намерены держаться в стороне от этого спора, впрочем, как и от остальных европейских событий. Мы объявляем самоизоляцию от европейских бурь, выбирая позицию и путь стороннего наблюдателя.

— Вот как? Неужели вы решили заколотить «Окно в Европу»?

— Конечно, нет. Но мы больше не будем посылать в это окно ни своих солдат, ни дипломатов, ни шпионов. Торговля, наука, просвещение — это пожалуйста. А воевать — нет. Увольте! Последние годы мы слишком часто вмешивались без всякого повода в дела, которые прямо нас не касались. Ни одно событие не могло произойти в Европе без того, чтобы Россия не обнаружила притязаний принять в нем участия и не начинала вести дорогостоящие и

беспольные войны. В этом нет никакого смысла! Благодаря своему счастливому положению, мы можем жить в мире с государствами всего земного шара и отдаться исключительно внутренним реформам, не опасаясь, что кто-либо осмелится помешать нам в этой важной и полезной работе. Именно во внутренней своей жизни Россия может достигнуть громадных успехов в смысле установления порядка, экономического преуспевания и правосудия во всех частях обширной империи, что вызовет процветание земледелия, торговли и промышленности. Что приносили многочисленному населению России дела Европы и ее войны, вызывавшиеся этими делами? Мы не извлекали из них для себя никакой пользы, а только гибли на полях сражений! Я убежден, что действительного благосостояния России нам нужен продолжительный мир и постоянные попечения умной и миролюбивой администрации.

— Ваше Величество! Но ведь вы же прекрасно понимаете, что тот, кто желает мира, должен готовиться к войне; и если вы не будете участвовать европейских делах, всё это кончится лишь тем, что вы утратите всех возможных союзников; однажды вам придется иметь дело с гигантской, неумолимо огромной и мощной якобинской Францией, покорившей всю Европу и поставившей континентальные нации на службу своему честолюбию! Наша страна, конечно, останется утесом, возвышающимся среди бурных волн, неизменно доброжелательным к вашей великой Империи, но, Ваше Величество, наш маленький остров не сможет тогда оказать вам достаточной поддержки в борьбе с французским Голиафом!

— Знаете, Чарльз, я много думал об этом, действительно много, и, честное слово, чем более я об этом размышлял, тем больше приходил к мысли о правильности выбранного пути. Россия, на мой взгляд, достаточно велика и могущественна по своим размерам, населению и положению; нам нечего бояться ни европейских держав, ни даже их союза. Конечно, объединив силы нескольких европейских держав, можно нанести России поражение, но цена такой победы будет несопоставима с достигнутыми преимуществами. Так что, мистер Уитворд, я не готов принять какого-либо участия в вашем крестовом походе против Парижа. Да и вам советую закончить с ними дело миром. Время идет, расходы растут, люди гибнут, а вы так и не можете победить французов. Может быть, оставить эту затею?

Каменный подбородок и острый взгляд англичанина, в глубинах которого всё больше нарастала темная, тягучая неприязнь, явственно свидетельствовали, что ход нашей беседы посланнику короля Георга совершенно не по нраву.

— Ваше Высочество, Сент-Джеймский кабинет, служить коему я имею честь, весьма щепетильно относится к поддержанию европейского равновесия, которое страшным образом нарушилось после несчастного парижского переворота 1789 года...

— Ах, оставьте! — перебил я. — Желание мистера Питта во что бы то ни стало сохранить европейское равновесие похоже на религиозный фанатизм. Люди, слабые духом, всегда мечтают о том чтобы «всё оставалось по-прежнему». Но смею заметить, что это невозможно. Как двести лет назад сказал один недурной драматург:

«В делах людей прилив есть и отлив.

С приливом достигаем мы успеха,

Когда ж отлив наступит,

Лодка жизни по отмелям несчастья волочится.

Сейчас ещё с приливом мы плывём

Воспользоваться мы должны теченьем,

Иль потеряем груз»*.

— Другими словами, Чарльз, — продолжил я, не давая тому возможности перевернуть эту цитату из Шекспира, — одни нации возвышаются, другие клонятся к упадку, третьи впадают в ничтожество, и это совершенно естественный процесс. Противостоять ему — то же самое, что пытаться удержать руками морской прибой. Сто лет назад наша страна практически не участвовала в европейской политике, в то время как поляки спасали Вену от турок. Теперь же

всё переменялось, Польша канула в Лету, а в союзе с Веной действует уже Петербург. Что же, вы нам теперь ради Европейского равновесия прикажете убираться обратно за Днепр?

Уитворд саркастически улыбнулся.

— Но вы нас не послушайте, правда?

— Если вы будете говорить глупости, то, конечно же, нет. Кстати, если вспоминать дела давно минувших лет, то, кроме Европейского равновесия, я бы ещё задумался о таком вопросе, как *равновесиена морях*! Ранее мы видели могучие флоты Голландии и Испании; Франция также занимала господствующее положение на Средиземном море. Теперь же, куда не кинешь взор, море везде пестрит английскими флагами! У вас 200 линейных кораблей, у остальных не более 60-ти. Не является ли это серьёзнейшим нарушением «Европейского равновесия»? Ведь господство на море даёт гигантские преимущества тому, кто им обладает!

Ни один мускул не дрогнул на любезной физиономии Уитворда, и только в глубине его серых глаз туманный дымкой отразилось глубочайшее неприятие моего вопроса.

— Ваше Величество, Великобритания — суть морская держава! Обладание морями есть неотъемлемая часть английского характера, то, к чему каждый англичанин стремится всей своей душой. Для нас господство на морях также естественно как для вашей державы обладание сушей. Ведь вы же не находите несправедливым, что Россия в одиночку владеет гигантскими пространствами Сибири?

— Отнюдь: мы приложили гигантские усилия для овладения этими землями.

— Ровным счётом также и мы приложили огромные силы и жертвы для господства над морями, к чему было чрезвычайно много претендентов!

— Но, дорогой мой мистер Чарльз, насколько это справедливо? Вот теперь можете закрыть морскую торговлю для любой державы, когда как она приносит огромные средства. Тем самым вы, по сути, господствуете над Европой, произвольно устраивая блокаду побережья любой страны, которая вам неужгодна. Пока сохраняется такое положение дел, всякие разговоры про какое-то «европейское равновесие» совершенно бессмысленны! Кстати про блокады: ваша эскадра из шести кораблей уже несколько месяцев находится в виду Мальты. Наши силы там — всего лишь четыре фрегата, назначенные для охраны торгового мореплавания, и решительно не могут угрожать никаким интересам ни Великобритании, ни кого-либо из её союзников. Как нам это понимать?

Лицо Уитворда стало окончательно непроницаемо.

— Ваше Величество, нам известно, что ныне на Мальте заканчивается устройство нового порта, способного принимать большие эскадры линейных кораблей. Это вызывает беспокойство нашего Адмиралтейства. Сент-Джеймский кабинет полагает, что Мальта может принадлежать либо самим мальтийцам, либо, по свойству территориальной близости и родственности населения, отойти Неаполитанскому королевству, но никак не к России, особенно, учитывая политику вооружённого нейтралитета, не так давно проводившуюся Россией на морях.

— А, это то, что вы называли «политикой бессильного нейтралитета»? С той поры прошло пятнадцать лет! За это время вы успели повоевать с Францией, заключить с нею военный союз, а потом снова воевать. Откуда же такая злопамятность в отношении России?

— Ваше Величество не провозглашали отхода от этой политики, напротив всегда отзывались о ней похвально! Между тем, Англия чрезвычайно ждёт от России союзнического содействия в пресечении военной контрабанды, а не отстраненного следования кем-то выдуманным и якобы признанным всеми «правилам морской торговли»!

— Признаться, Чарльз, я как раз сторонник нейтралитета России во всём, особенно в европейских делах. Полагаю, что в наших интересах в это тяжёлое время всячески охранять нашу торговлю, особенно учитывая неразборчивость каперов, способных усмотреть военный груз в любом, самом невинном, товаре. Ведь любое изделие человеческих рук можно прямо или косвенно применить на войне: когда мы везём чугун, нам говорят, что из него будут

отлиты ядра, когда везём зерно, нам объявляют, что им будут кормить солдат... Поэтому, я в целом намерен придерживаться политики прежнего царствования, и охранять нашу торговлю от необоснованных и произвольных ограничений. Если же и будут установлены правила об ограничении перевозок военных грузов по морю, это не будут английские правила. Мы составим свод международных законов и будем строго его придерживаться! Не скрою, Мальта имеет в этих планах некоторую роль...

Уитворд раскланялся. Совершенно очевидно, что он крайне раздражён результатами встречи. Я же остался в глубоких раздумьях, глядя в темень за окном своего кабинета.

Англичане... Нормальные, в целом, ребята, однако, совершенно невменяемые, когда речь заходит о военно-морской мощи. Что-то, чувствую, этот посланец короля Георга ещё выкинет... надо приказать как можно тщательнее досматривать переписку английского посольства!

* — У. Шекспир, «Юлий Цезарь».

Глава 6

Итак, сегодняшнее заседание Непременного совета целиком было посвящено нашим «блестящим» финансовым делам.

— Итак, Александр Романович, чем вы меня порадуете? — иронический спросил я, заранее уже зная ответ. По мрачному, с коричневыми тенями под глазами лицу Воронцова было понятно, что ничего оптимистичного он мне сообщить не намерен.

— Давайте начнём с самого печального — с государственного долга!

Воронцов поднял на меня глаза с коричневыми кругами, как у панды, снова перевёл их на лежавшие перед ним бумаги, и покопавшись в них, отвечал:

— На настоящий момент внешний наш долг составляет, круглым счётом, 33 миллиона рублей.

— Немало! А каковы проценты по долгу?

— Ваше Величество, долг сей образовался не за один раз; это несколько заимствований у разных банков и на различных условиях. В разных случаях ссудный процент колеблется от 3 до 6 годовых!

— Ну, это не так много. Покамест можно с этим жить!

— Да, Ваше Величество, но надобно иметь в виду, что в ближайшее время долг наш увеличится ещё приблизительно на 27 миллионов!

От такой новости я буквально подскочил на месте.

— Как же так? Мы что, ведём переговоры о новом заимствовании? Отчего же я тогда ничего про это не знаю?

— Нет, Ваше Величество, — печально ответил Воронцов, — на самом деле всё ещё хуже. Если бы мы проводили негоциацию о займе, то получили бы эти деньги на руки, к тому же, смогли бы обговорить выгодный нам процент, сообразно высокой кредитной репутации Российской империи. Но, к сожалению, речь идёт о польских долгах!

— Польских? О чём это вы, Александр Романович?

— Ваше Величество, во время последнего раздела Польши, когда государство это прекратило своё существование, соглашением нашим с Австрией и Пруссией мы взяли на себя обязательства разделить и польские долги. На долю Российской империи придётся погашение 49% внешних заимствований Польши, что составляет названную мною сумму. Сейчас ведутся переговоры об определении конкретных сумм и обязательств, после которых долг польской короны станет уже российским!

Какое-то время я просто сидел на месте, пытаюсь осознать услышанное. Услышанная только что весть казалась настолько противоестественно чудовищной, что с трудом помещалась в голове.

— Александр Романович, — наконец произнес я, медленно выговаривая слова, смысл которых казался настолько абсурдными, — то есть вот эти самые поляки брали займы, но самых невыгодных условиях, деньги потратили на войну с нами, а мы теперь будем расплачиваться с их кредиторами?

— К сожалению, именно так обстоят дела! — подтвердил Воронцов, сочувственно глядя на меня.

— Воля ваша, а это какой-то бред. Думаю, что я не буду выполнять такие условия! — без раздумий выпалил я.

— Но это невозможно, Ваше Величество! — всполошился Воронцов. — Трактат с Австрией и Пруссией заключён и подписан, как же мы от него теперь откажемся?

— Как угодно. Я уж лучше откажусь от польского раздела, если условия его возлагают на нашу страну такие долги!

— Ваше Величество, не горячитесь! В иностранных сношениях нельзя допускать недуманных действий!

— Ну, вот давайте и обдумаем, как нам не вешать на Российскую державу дополнительно 27 миллионов долга! Лично я категорически против!

В Совете повисла напряжённая тишина.

— Политика покойной государыни Екатерины, — раздался мягкий, по-малороссийски гёкающий голос Безбородко, — заключалась в неизменно тщательном исполнении принятых на себя обязательств. Наша репутация сильно пострадает от такого неисправного поведения...

— Думаю, наша репутация пострадает, если мы, как идиоты, признаем эти польские долги, которые вполне можем на себя и не брать. Что, собственно, случится, если мы этого не сделаем?

— Нам могут перестать давать в долг...

— Ну и отлично. Нам не надо брать новых кредитов, это обходится слишком накладно. Что ещё?

— Наша репутация...

— Об этом мы уже говорили. Ещё?

Все молчали.

— Давайте не будем подписывать этот странный документ. Я скорее готов пересмотреть соглашение о разделе Польши, чем принимать на себя такие обязательства. К чёрту эти долги! Я не собираюсь грабить своих крестьян. Они с таким трудом наскребают свои гроши на выплату подушных податей и иных налогов, буквально отрывая кусок хлеба от рта своих детей, а мы тут широким жестом подарим каким-то голландским мошенникам 27 миллионов? Ну нет!

В Совете повисла напряжённая тишина.

— Господин Сперанский, — продолжил я. — Занесите в блокнот поручение Экспедиции землемерия Сената провести исследование приграничных с Пруссией и Австрией областей, на предмет того, какое население в них преобладает: белорусское, малороссийское или польское. Я хочу знать, от каких территорий мы можем избавиться в обмен на погашение этих дурацких долгов. Если голландцы начнут настаивать — отдадим им эти земли, и вся недолга. Не захотят брать — их дело.

Михаил Михайлович, мой личный статс-секретарь, и Василий Степанович Попов, секретарь Совета, записали себе эти поручения.

— Так, ладно, с внешними долгами всё примерно понятно. Как у нас обстоят дела с внутренними обязательствами?

Лицо Воронцова приняло сконфуженное выражение. Прозвучавшая затем от него цифра оказалась чудовищной!

— На сегодняшний день, Ваше Величество, сумма внутреннего долга заставляет примерно 172 миллиона!

Да ёклмн, сегодня меня точно «апоплексический удар» хватит, как тут называют любую внезапную и непонятную смерть.

— Что? Это же три годовых бюджеты страны! Откуда возникла такая дикая сумма?

Воронцов мрачно кивнул, показывая полную солидарность с моим возмущением.

— Увы, Ваше Величество, вы полностью правы. Разрешите просветить вас на сей предмет, хотя это и потребует некоторого времени. Случилось всё ровно 10 лет назад, в 1786 году. К тому времени уже наметилось вредное действие на наши финансы ассигнационного рубля, и по воле почившей в бозе государыни императрицы собралась комиссия, дабы решить, что с этим делать. Казалось бы, раз зло проистекло от ассигнаций, то надо было прекратить их печатать. Однако же, покойный граф Шувалов предложил совсем другой проект. Согласно его идеи, надобно было напечатать 100 миллионов ассигнаций, и отправить их в государственные банки. Там эти деньги следовало раздать в виде займов разного рода купцам и их компаниям,

промышленникам и дворянам, под изрядный процент. От этих займов предполагалось в течение 15 лет получить процентов на 15 миллионов рублей, что составило бы чистый доход правительства.

— Ну, кажется, это неплохая идея, по крайней мере, на первый взгляд! — заметил я.

— План сей, может, был бы и неплох, был бы он исполнен так, как задуман. Но покойный Светлейший князь Потёмкин до этого не допустил! Услышав про будущий доход в 15 миллионов, он бросился немедленно тратить эти, ещё не полученные, деньги. Представьте себе, Ваше Величество: только-только план, как заработать 15 миллионов, но Потёмкин уже полагал, что эти деньги лежат в его кармане. А ведь это совсем не так: сначала надо найти заёмщиков, готовых взять средства займы, выдать им займы, дожидаться сроков погашения, получить обратно деньги и причитающиеся процент, (а ведь никогда не бывает так, чтобы все твои должники расплатились полностью и в срок!) — и после этого, по истечении 15 лет, при соблюдении всех этих условий, можно было рассчитывать на получение планируемой прибыли. Потёмкин уже начал тратить всё немедленно: не прошло и трёх лет, как средства эти были полностью израсходованы!

— Ну как же их израсходовали, если их ещё не было? — поразился я.

Воронцов иронический усмехнулся.

— Ваше Величество, тут вы задали очень правильный вопрос! Разумеется, деньги эти были взяты из напечатанных ассигнаций, предназначенных для того, чтобы раздать их в долг! Конечно же, после этого всякая возможность использования средств согласно первоначальному плану полностью исключалась!

— То есть, получить 15 миллионов прибыли даже через 15 лет не было никакой возможности, а между тем это прибыль уже была потрачена?

— Именно.

— А сколько же денег всё-таки было выдано займы по первоначальному плану?

— Нисколько, — с горечью произнес Александр Романович. — Все эти средства разошлись по предметам совершенно непроизводительным: на устройство Черноморского флота, на строительство в Новороссийском крае и Тавриде, на крымскую поездку Государыни императрицы, на войны с Турцией и шведским королём... И теперь наши финансы находятся в самом расстроенном состоянии: бумажных ассигнаций напечатано на 157 миллионов, против планировавшихся ранее, не более чем ста миллионов; курс ассигнаций сильнейшим образом упал: их никто не желает брать, теперь все требуют или серебряных, или хотя бы медных денег. В государственном бюджете образовалась крупнейшая недостача, которую покрывать стали внешними заимствованиями, набрав за 5 лет на 39 миллионов рублей. Ну и этого не хватило, поэтому ассигнации продолжили печатать, и сейчас курс их к серебру идёт в размене 146 на 100, а у правительства получается 157 миллионов ассигнационного долга. Ещё 15 миллионов казна должна разного рода поставщикам, так что итоговая цифра получается в 172 миллиона.

Воцарилась молчание. Я пытался осознать услышанное, и, надо сказать, что-то у меня в голове в этот момент «не срасталось».

— Александр Романович, ещё раз: наш внутренний долг состоит из задолженности поставщикам в 15 миллионов, и ещё из задолженности держателям ассигнаций — 147 миллионов?

— Да, Ваше Величество! Впрочем, первая сумма не так для нас опасна: ещё в прошлый год было предложение графа Зубова задержать оплату поставщикам настолько, чтобы они пришли в совершенное отчаяние, а затем выкупить у них расписки казны на третьих лиц по сниженной против номинала цене. Я сам, хоть и не поддерживаю таких мер, но в сложившихся обстоятельствах признаю их необходимость. Что же касается ассигнационного обязательства, то надобно отметить, что долг этот беспроцентный, и сроки его погашения нигде не определены. Поэтому...

Пока я это слушал, меня пронзила странная догадка.

— Пойдите, Александр Романович, пойдите! Вы что же, действительно считаете, что ассигнации являются казённым долгом?

— Разумеется, — с удивлением произнес граф. — Что же это такое, как не долг!

— Конечно же, нет! Это просто деньги!

Воронцов посмотрел на меня так, будто впервые в жизни увидел.

— Как деньги могут быть бумажными? Это решительно невозможно. Только благородные металлы могут считаться действительным, признанным всеми средством расчёта!

— Вы совершенно не правы — произнес я, ликуя в душе. — Деньгами может быть что угодно, любой предмет удобный для обмена и накопления богатства. Скажу вам больше — деньгами может быть даже и не предмет, а всего лишь запись в грессбухе, фикция, точь-в-точь как в мире идей Платона. Нередко уже и сейчас приходится видеть, что деньги иной раз выглядят как обычная цифра на гербовой бумаге!

— Это вы про вексельные расчёты? — догадался Воронцов. — Я действительно с некоторых пор применяю в Англии, но нашей стране они пока незнакомы!

— В сущности, с ними всё понятно — если есть некий авторитетный банк, и в нём числится на ваших счетах некая сумма денег, то можно полагать, что вы действительно располагаете этими деньгами, даже если их нет физически у вас на руках, и даже если их нет в хранилище банка. Однако же, давайте вернёмся к ассигнациям. Они удобны для хранения и расчётов, их трудно подделать, и они принимаются везде в качестве законного средства платежа. Значит — это деньги! У нас нет совершенно никакой необходимости менять их на монету — ни сейчас, ни в будущем. Всё, что там следует предпринять — это улучшить качество ассигнаций, с тем, чтобы полностью исключить возможность подделок, и контролировать их количество, находящееся в обращении, не допуская чересчур сильного их обесценения. В остальном же ассигнации — превосходная вещь, много удобнее серебряной и даже золотой монеты.

— Но, Ваше Величество, курс ассигнаций падает....

— Александр Романович, если вы примете мою логику рассуждений, то поймёте, что в падении курса ассигнаций нет большой беды. Вы боитесь, что нам придётся выкупать бумаги на 157 миллионов, и не знаете, где для такой операции взять столько серебряной монеты. Но мы никогда не будем обменивать их на монету: всё, что предстоит правительству, это далее печатать и печатать новые выпуски ассигнационных билетов, не допуская чрезмерных потрясений. Более того: некоторое падение курса ассигнаций имеет даже некоторое положительное значение. Обществу просто следует привыкнуть к этому обстоятельству и выработать верные правила поведения: не держать ассигнации в сундуках, а непременно помещать их в банки, или же пускать сразу в деловой оборот.

— Ваше Величество, это невозможно! Такие действия страшнейшим образом подорвут наш кредит!

— Если вы говорите о внешнем кредите, то мне это безразлично — мы не намерены более брать внешних займов. Если же вы толкуете о доверии внутри страны, то здесь средство одно — разумная финансовая политика, уничтожение дефицита бюджета и время, которое позволит народу привыкнуть к бумажным деньгам.

Воронцов задумчиво покачал головой.

— Во всех странах мудрые правительства стараются укрепить свою денежную единицу, дабы избегать потрясений в обществе и государстве...

— Да неужели? Вы забыли тот кунштюк, что выкинул в своё время Фридрих Великий?

История, о которой я напомнил Воронцову, в своё время наделала много шума. Указанный Фридрих, в Семилетнюю войну наделав массу долгов, погасил их испорченной монетой, имевшей в составе больше лигатуры, чем серебра. По понятным причинам, особенно много этих монет ушло в Голландию. А затем, рассчитавшись с кредиторами, Фридрих объявил о

денежной реформе и начал печатать уже полновесный серебряный талер, категорически отказавшись принимать по номиналу прежние низкокачественные монеты! Скандал вышел первостатейный; кое-кто из голландских банкиров даже покончил жизнь самоубийством! И ничего: небо не упало на землю, а Пруссия осталась вполне себе уважаемым государством.

— Да и что, собственно, хорошего в серебре? — продолжил я свою мысль. — Вот подумайте сами, Александр Романович: произвели где-нибудь на Урале полосовое железо. С великими трудами привезли его в Петербург, и тут продали англичанам за мексиканское серебро. Что нами в результате сей сделки потеряно, а что в итоге получено? Мы потеряли железо, которое и в нашей стране было бы не лишним: наши крестьяне до сих пор пашут деревянной сохой, боронят деревянными бородами, копают деревянными лопатами и строят избы без гвоздей. Взамен мы получили всего лишь серебро: маленькие блестящие кружочки, годные лишь, чтобы рассчитываться на рынках, и совершенно бесполезные во всех прочих отношениях! А ведь мы могли бы сами изготовить эти самые деньги: крупные напечатать на бумаге, мелкие изготовить из меди, и уральское железо осталось бы в стране! По сути, продавая железо за серебро, мы бессмысленно отдали тяжёлый труд наших уральских рабочих владельцам мексиканских серебряных рудников. Нет, Александр Романович, это не *ассигнации* нам не нужны — это как раз *серебро* нам не потребно!

Воронцов глядел на меня уже в полном отчаянии.

— Ваше Величество...

— Называйте меня «Александр Павлович», как прежде! У нас сейчас деловое совещание и будем считать, что я здесь выступаю не как абсолютный монах, а как первый министр своей державы: и со мною можно совершенно свободно дискутировать и спорить. «Величеством» будете меня обзывать на балах и официальных церемониях!

— Хорошо, Ваше Ве... Александр Павлович. Однако же, насчёт серебра — не могу с вами никак согласиться! Серебро имеет два важных достоинства: прежде всего, оно признано во всём мире как средство платежа; во-вторых, количество его ограничено добычей, возможно на рудниках. Что же касается бумажных денег, то, зная наше обыкновение пускать всё на самотёк, можно быть совершенно уверенным, что уже через несколько лет их напечатают настолько невообразимое количество, что уважение к бумажным банкнотам совершенно упадёт, ровно так, как это было 2 года назад во Франции!

— Александр Романович, вы, безусловно, правы и с первым, и со вторым замечанием. Серебро действительно принято во всём мире, и это удобно для заграничных расчётов, но это удобство стоит нам слишком дорого! Огромное количество нашего населения почти никак не задействовано в иноземной торговле; в таких обстоятельствах представляется безумием отдавать огромное количество наших товаров просто для того, чтобы получить серебро. Я бы, пожалуй, лучше задумался о совершенствовании оборота ассигнаций, — дело явно того стоит. Что же касается второго вашего возражения, — то всё в наших руках! Следует соотносить наши расходы с доходами, и не надобно будет печатать много ассигнаций, только и всего! Давайте повысим доходы, и сократим расходы, чтобы сбалансировать наш бюджет!

Воронцов молчал, пытаясь осмыслить услышанное.

Глава 7

— Что у нас, кстати, господа, с доходами?

Тут слово взял Александр Николаевич Самойлов, генерал-прокурор Сената. С уничтожением Камер-коллегии дела по умножению государственных финансов оказались в ведении сенатской Экспедиции о доходах.

— Основную часть казённого дохода составляет подушная подать! В этом году она принесла двадцать шесть с половиной миллионов рублей, и составляют около 33% всех доходов казны. На втором месте питейные сборы — 15 миллионов рублей, дают они 25-26% дохода; на третьем — соляные деньги, приносящие от 7 до 10% дохода; в прошлом году они дали 5 миллионов 300 тысяч рублей; пятыми по значимости являются таможенные сборы, а шестым — канцелярский сбор. Также небольшой доход в один миллион триста тысяч дают «горные деньги».

— Однако же Ваше Величество — поспешил добавить Воронцов — это общие цифры, из которых надобно вычитать расходы по взиманию этих налогов и платежей! если принять во внимание эти расходы, то картина становится совсем иной. Если сбор подушной подати не составляет больших трудностей, то для получения питейных и соляных денег приходится нести существенные расходы!

— Вот как? Тогда сколько сейчас приносит соляные сборы, за вычетом расходов на их получение?

— Ваше Величество, на самом деле они сейчас убыточны.

— Как это может быть?

— За всё время царствования августейшей бабки вашей цена на соль казною ни разу не поднималась; между тем расходы по её добыче выросли очень существенно. Поэтому сейчас получается так, что торговля солью приносит казне убытки!

— Вот как? Отчего же они выросли?

— Весьма больше велики расходы на перевозку. Более всего соли добывается в Илецких выработках, в Крыму и на озере Эльтон, но всё это очень отдалённые места; рядом с ними нет хорошей судоходной реки для вывоза. Велики также расходы по подвозу соли в магазины, находящиеся в разных городах Империи!

— Так может быть тогда повысить цены?

— Видимо теперь это стало неизбежно... Но это очень вредное действие! прежде всего от повышения цены соли сразу же уменьшится её закупка, а значит, объёмы поступления в казну сократятся. Кроме того уменьшение закупки соли приведёт сокращению выработки солонины, кожи и иных предметов, что для населения чрезвычайно вредно — у нас и так закупка соли на душу населения в несколько раз меньше, чем в странах Европы!

— Ладно, Александр Романович, это надо обдумать. А что такое «горный доход»?

— Промышленники платят некоторый небольшой налог за каждую принадлежащую им домну и выплавленный пуд чугуна. А самая главная прибыль здесь получается от переделки меди в медную монету — это приносит до полутора миллионов рублей в год!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.